

Мargarita Ardo

НАШИ ПРОТИВ

Фэнтези. Любовный роман. Юмор

Миры Всевидящего Ока

Маргарита Ардо

Наши против

«Автор»

2019

Ардо М.

Наши против / М. Ардо — «Автор», 2019 — (Миры
Всевидающего Ока)

В один не очень прекрасный день выяснилось, что я обладаю даром мгновенного перемещения в пространстве. Таких, как я, называют дживами, и на них ведут охоту, ведь телепорт – это очень выгодно! Я и несколько спортсменок попали в фантастический мир, где царит магия и с морем можно договориться – туда, где любовь того, кто меня похитил, способна творить чудеса...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	17
Глава 6	22
Глава 7	26
Глава 8	30
Глава 9	35
Глава 10	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Маргарита Ардо

Наши против

Глава 1

– Ты не такая, как все! – прошептал мне на ушко Витя Козлевич, и его громадные штангистские ладони волнующе сжали мою талию.

Из дискотечных динамиков пронеслось про пьяное солнце, и я сама слегка опьянела от здорового олимпийского жара и блестящих глаз напротив. Пожалуй, я в него влюблюсь... У меня приятно закружилась голова в предвкушении чего-то большего – такого, о чём пишут в книгах с пометкой 18+. Сердце моё учащённо забилося. С очередным поворотом в нашем не слишком замысловатом танце я заметила, что тяжелоатлетка Крохина смотрит на меня так, словно готовится к роли Отелло в смотре художественной самодеятельности. В моих венах игривыми пузырьками заиграл адреналин. Я чуть задрала подбородок, празднуя победу: «Будет знать, как обзывать! Штангистам больше нравятся „чахоточные выдры“, а не косая-сажень-с-ядром... Вот так!»

– У тебя даже имя особенное – Тася! Ты такая... такая, – с томным обожанием подыскивал нужное слово Витя.

А мне вдруг стало безразлично, что мой кавалер не красноречив и не остроумен. У него сила – в другом. Однозначно в другом. Он – красивый.

Песня закончилась. Витю окликнули.

– Никуда не уходи, Тася! – сказал он. – Я сейчас.

Я улыбнулась ему, чувствуя, как рдеет что-то внутри. Очень удачный сегодня день! Не зря я утром на пляже нашла «куриного бога». Да не обычного, а настоящую жемчужинку с дыркой посередине. Теперь висит у меня на груди – на счастье!

В ночи трещали цикады, дурманяще пахла магнолия, с моря на дискотеку спортивного лагеря налетал свежий бриз. Романтика! Что-то обсуждая с парнями из команды под большим фонарём, Витя помахал мне, и мурашки пробежали по моей коже. Я засмузилась от собственных мыслей и мечтательно прикрыла глаза.

Вдруг кто-то дёрнул меня сзади за плечо и втащил в кусты. Я не успела взвизгнуть, как оказалась на дорожке перед Крохиной. На ее широком славянском лице яростно сверкали глаза, в каждом по смертному приговору. Две рослые гребчихи в одинаковых синих костюмах стояли рядом и тоже не выражали дружелюбия. Ой!

– Слышь ты, выдра... – начала Крохина, потирая кулаки. – Ща мы тебя научим, как перед чужими парнями задницей крутить! Навсегда запомнишь.

Я застыла, испуганно моргая. Ноги стали ватными. Надо было что-то сказать, но у меня лишь беспомощно задрожала нижняя губа. Витя! Где он?! Он не спасёт меня?.. Вместо него из темноты вынырнула высокая девушка и заслонила меня собой. Длинная чёрная коса взметнулась перед моим носом.

Рита! Риточка! – закричала я от радости, но про себя, так как дар речи в критические моменты пропадает у меня первым. Зато у меня получилось попятиться, очень осторожно.

– Эй, каратистка, вали отсюда! Нам с тощей выдрой надо поговорить, – угрожающим басом произнесла Крохина.

– Сами валяйте. Таська со мной.

– Лучше не нарывайся. А с выдрой мы не очень больно поговорим, – вставила гребчиха Грымова, истинно русская девица, из тех, что коня на скаку, в дом с огнём и медведю палкой в лоб. Вторая, кучерявая рыжая Аня хихикнула:

– Мы за любой кипишь, а за подругу и подавно... – И хищно подмигнула мне, с опаской выглядывающей из-за плеча Риты. – Эй, мелкая, от Козлевича отвянь, иначе вся команда карате тебе не поможет!

Ой, надо что-то делать! Их трое, а Рита одна, пусть и чемпионка – меня-то можно не считать. Дрожа, как осиновый лист, и скреживая пальцы на всякий случай, я пробормотала со всей возможной жалостливостью и раскаянием:

– Он сам пришёл, точнее пригласил... Я больше не буду... Честно-честно!

Не помогло. Ноздри у Крохиной раздувались, словно у буйволицы, узревшей красную тряпку:

– Слышь ты, выдра, ещё раз к Козлевичу приблизишься, я тебе! – Её кулак взметнулся в воздух, и в мою сторону что-то полетело. Возле моих кед упал булыжник.

– Не тронь Тасю! – Рита подалась вперёд, сделав выпад ногой.

Тяжелоатлетка бухнулась на мощёную плиткой дорожку. Гребчихи кинулись на помощь, а я зажмурилась, теряя от ужаса мысли. В опустевшей голове осталось только дискотечное –

«...прочь отсюда убежать.
Лучше буду на Гаваях
Чистым воздухом...дышать».

Куда угодно отсюда, Господи Боже! Хоть на Гавайи, хоть на Дживайи! Мамочки!

Я зажмурилась и, шагнув назад, споткнулась. В момент, когда под моей пятой точкой с треском подмялись ветки, всё стихло. За закрытыми веками вспыхнуло что-то яркое, и под дружное «Что за...» я осторожно приоткрыла один глаз. Потом второй. Надо же, какая живая галлюцинация!

Я читала, что после сотрясения мозга возможны глюки. Но мой мозг не там, чем я стукнулась. И всё же... Звёзды исчезли, припекало солнце. Более чистые, более бирюзовые волны плескались о белый песок. Позвольте, а где галька и камни? Изумрудные кудри тропического леса покрывали горы бухты. Солнца было два – красное и оранжевое. Рядом пытела в песке Крохина, над ней возвышалась Рита. На кромке невероятно красивого пляжа загорелый мужичок в драной застиранной рубашке и коротких штанах возле утлой лодки замер с широко распахнутыми глазами и отвисшей челюстью.

– Бурбулеу бурбеск гуду? – наконец, выдавил мужичок.

– Чиво? – опешила Грымова.

Мужичок спрятался обратно. Мне стало дурно, я облизнула пересохшие губы в надежде, что сейчас меня приведут в чувство, и всё станет обычным: парк, Грымова, море. Наверное, появится дядя Серёжа и будет отчитывать за то, что снова из-за меня переполох... Но тут Крохина вцепилась в мой хвост и пребольно дёрнула:

– Эй, выдра! Чё за фигня?!

Вроде бы больно во сне не бывает? И в галлюцинациях тоже. Так что же это?! Я пробормотала очевидное:

– Кажется, это не Сочи...

– Да блин!

Крохина выпустила мои волосы и оглянулась. С пальмы позади гребчих поднялась в небо большая птица с радужными крыльями, как фламинго, на которого розовой краски не хватило и докрасили всем, что было на палитре. Фламинго каркнул, поджал красные лапы, а затем резко взмыл вверх и направо.

Гребчиха Аня Фуц тряхнула короткими кудряшками и обругала птицу неприлично.

– Однозначно не Сочи, – сказала Рита.

– Что это?! – рыкнула Крохина и, быстро вскочив, ткнула кулачищем в сторону моря.

На выходе из бухты волны угрожающе нарастают. Затем расступились, и громадная акула, подобно летучей рыбе, выскочила из морского чрева. Красно-сине-зелёные, сверкающие плавники распахнулись, как крылья, и мы увидели на загривке чудовища седока в чёрном. Он направлял акулищу прямо на нас. Девчонки взвизгнули и бросились в пальмы, мужичок из-за лодки туда же. Только я застыла на белой песчаной полоске, как кролик перед удавом.

Пара секунд, и гигантские челюсти клацнули, словно ковш экскаватора перед моим носом. Акула хряпнулась пузом о песок, пляж содрогнулся. Морская зверюга сложила крылья и встряхнулась, окатив меня солёными брызгами и песком одновременно.

Несмотря на крики из кустов «Беги, выдра!», «Тася, к нам! Скорее!» «Ой, вот дура...», я не могла пошевелиться от страха.

Нет у меня никакой реакции, я даже на права сдать не смогла – правила ответила на «отлично», но инструктор поседел...

И тут на песок прыгнул здоровенный молодой мужчина в чёрном.

«Красивый», – пискнуло моё женское «Я»; самая быстрая часть меня, которая мгновенно отметила синие глазищи, прямой нос, широкие плечи, смоляные косы и короткую бороду, скорее отросшую щетину. Незнакомец нехорошо ослабился, глянув на мою грудь, и, внезапно сграбастав, перекинул на плечо.

– Ой! – вскрикнула я. – Помогите!

Мужчина взбежал по жабрам акулы, как по лестнице. Плюхнул меня животом и лицом в скользко-мокрый загривок чудовища так, что я ахнула. Попыталась подняться, отталкиваясь руками от вонючей рыбьей туши. Но незнакомец, оседлавший акулу, вдавил меня обратно ладонью, чтоб не рыпалась, и грозно выкрикнул:

– Кырлаг, йоши! Йах-хоу!

Чудовище попятилось в море, ловко развернулось, словно не весило пару-тройку центнеров. Расправило яркие крылья, от которых в нос ударило запахом рыбного рынка. И мы полетели над бирюзовой гладью моря, подминая тенью тысячи солнечных зайчиков на волнах.

Ой, мамочки! Меня что, похитили?!

Глава 2

Рита, Крохина и гребчихи метнулись к берегу за Тасей, но преступник на акуле скрылся так быстро, что догнать его не вышло бы и на байдарке с электромотором, не то что вплавь. Рита сообразила первой и ткнула пальцем в сторону убегающего косматого владельца лодки:

– За ним!

Надо же было хоть что-то выяснить...

Поднимая пятками облачка песка, мужичонка припустил к буйным зарослям с дикими воплями. Из-за пальм и жирных с прожилками лиан выкочили такие же маломытые, нечёсанные, южного типа мужчины с вёслами.

– Девочки, внимание! Аборигены! – воскликнула Рита Дзен.

Девушки еле успели затормозить. Мужичонка затараторил возбуждённо тыкая в пришелиц, и недолго думая представители местной расы двинули на них с выражением лиц «сейчас-как-дадим-больно».

– Ой, не к добру, – заметила Аня. – Валим?

– Абрыг морисо мухарка фу! – сказал крепкий товарищ с бородой, окатив негодующим презрением девчонок.

– Сам ты фу! – не выдержала Грымова. – Я тебе такой фу покажу, плакать будешь и маму звать.

Крохина подняла с песка что-то похожее на кокос и положила на плечо, готовясь метать. Аня, сощутив янтарно-карие глаза, подобрала палку с песка.

– Девочки, спокойно, – попыталась воззвать к голосу разума Рита.

Аборигены начали окружать девушек, гудя с нарастающей враждебностью. Девчонки отступали, теснясь друг к дружке. И вдруг бородач угрожающе замахнулся веслом. Аня увернулась. А Крохина рявкнула:

– Ну всё, я нервная сегодня! – И мохнатый кокос с синими прожилками влетел в лоб бородачу.

– Мухарка фу! – вскрикнул он, падая бесславно.

Возмущённо подхватив: «мухарка фу», толпа без разбору кинулась на девушек. Встав в боевую стойку, Рита принялась отбиваться и разбрасывать налетающих на неё аборигенов. Грымова и Фуц отобрали у нападающих вёсла и начали орудовать ими, прицельно попадая в лоб. Крохина устроила артиллерийский обстрел мохнатыми кокосами, параллельно раздавая пинки. Не прошло и трёх минут, как десяток кудлатых аборигенов валялся на песке со стонами, держась за лбы и пах.

– Кто с веслом к нам придёт... – удовлетворённо заявила Грымова и пнула долговязого дрыща в серой фуфайке. – Чё с этими делать-то теперь?

– Вязать нечем, – пробурчала Крохина.

– И незачем, – констатировала Рита. – Главное, так и не ясно, куда мы попали?

– Потому что так вообще не бывает... – сказала Аня Фуц, убирая пряди мокрых рыжих спиралек со лба и отирая кулак о джинсы.

– Глупо отрицать то, что есть, – пробормотала Рита.

– Так чё, какие идеи? – переступила с ноги на ногу Грымова, нежно пнув попытавшегося встать аборигена. – Нам обратно надо. Тренер хватится и заставит завтра десять километров бегать, если к отбою не вернёмся.

Аня Фуц показала на два солнца:

– Судя по ним, отбой ещё не скоро.

– Два... Солнца два... – глубокомысленно заметила Крохина. – А я кроме чая ничего такого не пила сегодня. Может, подмешали? Как на Олимпиаде допинг?

От больной темы все спортсменки нахмурились. Но тут с неба раздался визг, дунул ветер, и на землю спустилось облако. Остановилось в метре от песка и развеялось – перед ошалевшими девчонками с сизого ядра встал на песок старец с голубой бородой и двумя длинными косами, в синем балахоне с золотой блямбой на груди. Он бросил шарик в песок, тот от ricoшети и в полёте превратился в светящийся посох.

– Обана... – прошептала Грымова.

Старец нахмурился.

– Мухарка фу!

– Здравствуйте, – произнесла Рита, сообразив, что старец не прост: как минимум, дедушка Мюнхаузена, как максимум, представитель власти, и со всем уважением показала на побитых аборигенов: – Мы только защищались, сэр.

Старец окинул взглядом место происшествия, внимательно взгляделся в каждую из девушек и щёлкнул внезапно гибким, как хлыст, посохом. Вокруг девушек взметнулись голубые облачка мерцающей пыли, и старец проговорил по-русски густо и басисто, как Шаляпин:

– Среди вас нет одарённой. Где она? Говорите, девицы из другого мира!

– А кто вы такой? – буркнула Грымова.

– Простите, мы не знаем об одарённой, – пробомотала Рита. – Но с нами сюда попала ещё одна девушка, Тася, Анастасия Воронцова...

– Да, выдру похитил какой-то чёрный тип на акуле с крыльями, – добавила Крохина.

– Когда? – сверкнул глазами старец. По-настоящему сверкнул, а не фигурально – брызнул искрами в песок, и засохший листик лианы вспыхнул и осыпался пеплом.

Девушки сглотнули.

– Минут десять назад, – проговорила Аня.

– Мерзавец! Выслеживал он пришествие её! Подонок бесчестный и подлый! – пыхнул гневом и паром из ноздрей старец. – Вашу Анастасию нужно срочно вернуть. Опасность ей грозит!

– Ясно, – заявила Рита, складывая руки на груди. – Но для начала было бы неплохо узнать, куда мы попали. Просветите, будьте любезны, многоуважаемый... хм... волшебник?

– Да! И что за хрень вообще происходит?! – насупилась Крохина, вновь сжав кулаки.

Гребчихи с вёслами добавили:

– Верните нас обратно. Мы должны быть в палате к отбою.

– Я же говорю: странные женщины, – поднял голову, увенчанную двумя шишками, как рогами, крепкий бородач. – В штанах. И дерутся, как воины.

Теперь выражение «странные женщины» звучало как «мухарка фу», но отчего-то было понятно... Видимо, из-за голубой пыли.

– Они сами на нас напали, – не растерялась Рита. – Так где мы? Или когда мы? И кто вы такие?

Голубовласый старец чуть покривился, но снизошёл до монолога:

– Вы на пятой, на лучшей и прекрасной планете из миров Всевидящего Ока, Дживайе. О, да здравствует Око, великое и чудесное! Перед вами я – мастер магических искусств и правопорядка Джуйендэ, и вы, пришельцы, женщины в штанах и без мухаро, обязаны мне сдаться до дальнейшего распоряжения властей!

– Сдаться? С какого перепуга?! – возмутилась Грымова.

– Верните нас обратно! – сказала Аня.

Разноцветный фламинго спикировал на место побоища из синих небес, каркнул и, выставив красные лапы, сел на пальму. Точнее, обхватил ствол когтищами и завис под углом девяносто градусов, рассматривая пришельцев.

Старец щёлкнул посохом и пробасил:

– Подчиняются мне все иномирцы! И вы будете, девицы! Не подчинитесь, охладите пыл в казематах Моргуусы, пока не научитесь уважению!

– Погодите, мы уважаем вас, мастер, – сказала Рита. – Но мы ничего не понимаем. И просим исправить ошибку и вернуть нас в наш мир. Тогда мы не успеем натворить ничего противозаконного. А за этих, – она показала рукой на побитых аборигенов, – приносим наши глубочайшие и искренние извинения.

– Вас вернуть я не смогу, – по-шаляпински ответил старец, добавив драматизма голосу. – Проходы в тканях пространства и времени способны открывать только дживы – одарённые души. И, думаю, дева Анастасия, которая пропала, и есть джива! – Он ткнул посохом в девушек и рыкнул, как точку поставил: – Так как вы все абсолютно бездарны!

– Сам такой, – пробурчала себе под нос Грымова.

– Упс, – закусила губу Крохина. – Нас что, выдра закинула?

– Мда... Вот это новости, – громко выдохнула Рита. – И где теперь её искать?

Глава 3

Акула поднырнула под гигантскую арку в скале, вынесла нас в невероятную по размерам пещеру и шлёпнулась пузом на каменные плиты.

– Кырлаг уеши, – сказал довольно мой похититель и подхватил меня на плечо.

Честное слово, мешком мне быть не нравилось, поэтому я жалостливо попросила:

– Отпустите меня, пожалуйста!

Похититель хмыкнул. Так же ловко, как забегал, сбежал по жабрам вниз. Я заподозрила, что акула была дрессированной и жабры распускала специально – для удобства наездника. Он поставил меня на плиты. В кедах хлюпнуло, короткая юбочка прилипла к бёдрам, футболка с надписью «Я люблю тебя, Париж!» тоже, и с волос полило на пол, как с не выжатого пододеяльника. В общем, мокрая курица, вид катастрофический.

Клацая зубами от страха и холода, я скукожилась. Но, подняв глаза, с удивлением обнаружила, что мой похититель гладит акулу по морде и похлопывает, как боевого коня, приговаривая что-то типа «кабур-чабур». Чудовище при этом с наслаждением жмурилось. А ведь могло бы запросто и руку по плечо откусить, как чупа-чупс...

И не боится он такое чудовище! Внутри меня к страху примешалось подобие уважения. Нравятся мне смелые мужчины, пусть сама я трусиха жуткая.

По идее, надо было в момент этой идиллии искать пути к побегу, но, оглядевшись, я предпочла стоять на месте. Рядом с громадным бассейном, существующим вместо стойла, располагались бассейны поменьше – в них плескались кашалотики и сверкающие красным три медузы размером с «Дэу-Матиз». Кашалотики подлетали на крыльях и плюхались в воду, попадая брызгами на медуз. Те шипели и тянули страшные щупальца к нарушителям спокойствия. В стойле справа дремал трёхметровый осётр с шипами по всей длине и острым хищным носом, похожим на пилу. Громадный купол – больше, чем в цирке, сплошь облепили розовые и белые сталактиты, причём белые светились на концах, освещая морскую конюшню лучше, чем лампы в метро.

Я отёрла ладонью воду с лица и осторожно глянула на моего похитителя. Красивенный и огромный ростом, он был затянут в чёрные кожаные одежды, на ногах – сапоги, на бедре болталась сабля и ещё какие-то железки весьма устрашающего вида. В косы вплетены жемчужины. В ухе одна, крупная – будто гаджет от мобильного телефона. Хм...

Кто он такой, чёрт побери? Пират? Морской царь? Или укротитель акул и повелитель ухи? Тот с интересом зыркнул на меня.

– Хохо, – сказал он, глядя масляно на мои ножки, потом посмотрел выше и протянул: – Мухарка фуу, мэ фуу вах!

От «фу» я хотела оскорбиться, но потом даже слегка плечи расправила – приятно, что я «вах». О, а может, он армянин? Ну, из исторических островных поселенцев, уехавших второй экспедицией искать золотое руно и затерявшихся в географии триста тысяч лет назад? Подумаешь, нос прямой и глаза синие! Вон у актёра Харатьяна вообще только фамилия армянская. Я решила сверкнуть своими скудными познаниями в армянском и сказала:

– Бареф дзес! – кажется, так здороваются мои однокурсники между собой.

– Дзес?! – яростно взметнулись брови у красавца, и последовала тирада, из которой я поняла, что, видимо, он всё-таки не армянин... Потому что «дзес» для него было что-то плохое. Он так наступал на меня, что я попятилась. Споткнулась, красавец тут же меня поймал, но не поставил на ноги, а прижал к себе. Наклонился, его лицо оказалось совсем близко. Меня обожгло горячим дыханием. Его глаза подведены чёрным, почти, как у древних египтян. С толстыми, но аккуратными стрелками. Аж неудобно стало, что у меня только реснички чуть-чуть подкрашены, а губную, я, наверное, съела, кусая губы, пока лежала пузом на акуле.

Красавец наклонился ниже. Ой, поцеловать, что ли, хочет? Я отпрянула, а он поддержал мою спину, как в танго, не отпуская. У меня мурашки побежали по коже, а в животе заледенело.

Нет, я совершенно не согласна целоваться с первым встречным! Я – приличная девушка!

Красавец об этом не знал... Он провёл совершенно бесцеремонно ладонью по моей груди, по животу, коснулся шеи и тут же вскинул глаза. От взгляда мне стало нехорошо, наш историк-маньяк так же смотрел на меня, когда ставил двойку в четверти за прогулы. Красавец произнёс, выговаривая чётко, словно начальник подглуховатой сотруднице:

– Мэ дзес, кыгыр? Бор дзес, он ку Дживайе, револта фу! Ту ер ма джива. Кыгыр? Джива. Ма-а.

Я поспешно кивнула:

– Ага, дживы ма, кыгыр не андерстенд. Парле-ву франсе?

Он рассердился и мотнул головой, мокрые толстые косы взметнулись и упали на широкие плечи, обтянутые кожей. Раскрыл рот, чтобы рявкнуть, но вдруг сдержался и строго, но очень громко повторил:

– Ту ер ма джива. Ма джива! Кыгыр? Форестас-йо!

Вот так точно дядя Серёжа, говоря со спортсменами из Франции, произносил всё по слогам и громко, как глухим. По-русски. Словно громче – сразу понятнее. Чтобы красавец-похититель не начал орать мне на ухо, я сделала вид, что понимаю.

– Йо-йо, джива. Кыгыр. Форевеер. Мир. Дружба. Кока-Кола...

Красавец улыбнулся с видом повелителя не только ухи, но и вселенной, и выпустил меня из своих железных объятий. Протянул руку с шипастой перчаткой.

– Амырос конго ва, ма джива.

О, теперь что-то про Конго. Бог мой, а я так плохо географию учила! Про Африку ни в зуб ногой! Я не рискнула подать ему руку, поэтому он схватил меня сам, буркнул новый перл, теряя терпение, и потащил к выходу из гаража для ухи. Мне стало дурно при виде вытесанных в скале бесконечных ступенек вверх. На втором десятке я запыхалась, тем более, что юбочка противно липла к ногам, а в кедах хлюпала вода. Красавец потерял терпение, вновь взвалил меня на плечо, не обратив внимания на мои «нет».

Впрочем, сильно возражать я не стала – сам похитил, сам пусть и несёт. Я вообще уже устала, у меня стресс, и голова, кажется, начинает болеть. Но мог бы и поаккуратнее! Сейчас я повишу на нём немножко, посмотрю, куда он меня доставит, а потом придумаю план. Иногда стоит сделать вид, что ты ничего не можешь и похлопать глупо ресницами, а потом, когда никто не ждёт, ка-ак выкинуть нечто эдакое! Правда, пока не знаю, что. Но в Конго не останусь, я Родину люблю и плохо переношу жару...

И вообще, сейчас бы домой, и Филе-о'фиш съесть в моём любимом Макдональдсе...

Тут красавец споткнулся и начал падать вместе со мной, у меня перехватило дух от предчувствия встречи головы с камнем. Я зажмурилась. И услышала:

– При обнаружении бесхозных сумок или подозрительных предметов, обращайтесь к сотрудникам полиции...

Я распахнула глаза. Красавец сгруппировался и всё-таки не упал, но стояли мы не на лестнице из подземелья, а на эскалатаре в метро на проспекте Мира. Ого!

Глава 4

Красавец снова начал терять равновесие на уезжающих вниз ступеньках и отпустил мои бёдра, я соскользнула с него, стукнулась головой о поручень. Но быстро вскочила и побежала через ступеньку вниз, к полицейскому с криками «спасите-помогите!» Слегка сонный блюститель закона в синей форме сразу проснулся, выхватил дубинку и направился ко мне. Позади что-то бухнуло, звякнуло, лязгнуло. Я бежала, как могла, спиной чувствуя преследование. И вдруг две огромные ручки обхватили меня сзади. В шею горячо дохнули с выкриком:

– Фу джива! Фу! Адышь!

Да что я, собачка, что ли?! Фу да фу! Сколько можно?!

Похититель потянул меня против движения эскалатора вверх и очень быстро. Сообразил, гад, что полицейские ему не друзья. Он уже дотащил меня до верхней ступеньки, сбив спиной нескольких человек и получив сумкой по голове от женщины в цветастом платье. Вот же ловкий, гад! Он прыгнул назад, спасаясь от уезжающих вниз рифлёных ступенек, чуть не упал, задев девушку-гота и повалив по сторонам трёх китайцев. Тётка с завивкой заорала:

– Террористы!

Кто-то завизжал, что-то хлопнуло, грудастая, приземистая, будто тумбочка, охранница принялась свистеть. Мой похититель растерялся, заметался между всё прибывающими людьми, эскалаторами и пропускными пунктами. Но меня не выпускал. И вдруг, неожиданно для себя, я ка-ак стукнула пяткой ему по голени, он взвыл и на секунду оставил хватку, отшатнувшись.

Я рванула вперёд. А мой похититель поехал вниз, ступив случайно на ступень эскалатора. В последний момент он схватил меня за лодыжку. Нечто пребольно кольнуло и вонзилось в мою кожу. Я лягнулась и куда-то ему попала... Ой, может, в лицо?! Но думать об этом было некогда. Подоспел отряд полицейских, я вырвалась из лап похитителя и, как безумная, побежала прочь. Я лавировала между людьми, столбами. Задыхаясь, спустилась в переход, через полминуты оказалась на той стороне проспекта, прямо возле МакДональдса. Завернула за угол, промчалась ещё два дома и ворвалась в наш двор под аркой. Юркнула в подъезд – благо, снова вырвали домофон – и только теперь позволила себе остановиться, громко глотая воздух.

В моей голове кружилось, меня порядком мутило и одновременно хотелось есть. А ещё очень саднила нога. Я взглянула – та покраснела, а над пяткой, в мягком месте на шиколотке в тело была воткнута жемчужина. Чёрная. Из-под неё стекала тоненькой струйкой кровь. Я попыталась выдернуть жемчужину и вскрикнула от боли: та словно проросла щупальцами под кожу...

Вот чёрт! Это похититель воткнул! Зачем? Отомстить напоследок? Что ж, надеюсь, полицейские отучат его дубинками нападать на невинных девушек и тащить куда попало.

Правда, мне тотчас стало похитителя жалко. Ведь дубинками – это очень больно, даже таким мускулистым. И по-русски он не говорит, и без паспорта наверняка. Посадят в обезьянник, к бомжам. Так ему и надо!

Правда, теперь получается, что я его похитила. Дурдом какой-то... И как я вообще могла мгновенно переместиться из Сочи в неведомую бухту, а потом обратно в Москву? Почему?

Стоп! Я вспомнила, как подумала, что хочу в Макдональдс. И оказалась в том, что возле дома! Ничего себе! Блистательно! Я что, телепорт? С чего вдруг?

Нога болела всё больше и больше. Я с тоской взглянула вверх и на табличку на нашем допотопном лифте: «не работает». А что, если? Я зажмурилась, сосредоточилась: хочу домой, прямо в квартиру, сейчас! Ничего...

Я сжала кулаки и сморщила нос, напрягаясь. Не вышло. Зато желудок подал сигнал SOS.

Может, мою способность, как мобильник, подзаряжать надо? Не зря же так зверски есть хочется?! Как при 3G-интернете: «Вы исчерпали суточный трафик, пополните баланс или измените тариф на более выгодный»...

Я схватилась ладонью за живот, проклиная гастрит, и поковыляла по лестнице на третий этаж. Мы живём с мамой в сталинке, в квартире, которая досталась нам от бабушки-профессора. Хорошо, что у соседки, Ирины Павловны, всегда лежит запасной ключ от нашей квартиры! Это необходимо, так как мы с мамой не очень везучие: если лопается стояк, то обязательно у нас, причём когда никого дома нет. Или вдруг срывает кран на кухне, или плита ни с того, ни с сего начинает пропускать газ – так, что у соседки канарейка задыхается. Председатель Жилтоварищества называет нас «несчастливой квартирой», все службы коммунального хозяйства проверки начинают с нас, но попусту. Хорошо, что есть дядя Серёжа, мамин брат, он всегда прилетает на помощь.

На звонок открыла Ирина Павловна. Ей семьдесят семь, но она боевая и ни капли не старушка: стрижка короткая, очки модные, юбка и блузка из сэконд-хэнда, но обязательно брендовые, даже дома. В ответ на моё «здрасьте» последовало:

– О, Тася, здравствуйте! А вы разве не в Сочи сейчас отдыхаете? И почему вы вся мокрая? Разве на улице дождь? Я не заметила, смотрю потрясающий фильм, закрыла шторы, так почему вы здесь?

– Так получилось. Можно ключики, Ирина Павловна?

– О да, да, конечно! Проходите, Тася, а чаю не хотите? Я пирог испекла свой фирменный с творогом и фруктами.

Желудок ёкнул и потребовал пирога, но я знала, что к Ирине Павловне на десять минут зайти не получится, минимум на час, а переодеться надо было сразу. И дяде Серёже позвонить. И «Альмагель» от желудка выпить. Поэтому я сказала:

– Нет, спасибо, очень спешу.

Раскланялась и бросилась к нам домой. У нас пахло ванилью и мамиными духами. Я люблю, как пахнет у нас дома. В кухне расцвела малиновая бугенвиллия и вылезли мелкие алые бутоны розочек. Две недели меня не было дома, а будто только вчера уехала!

Я сняла мокрые вещи и мигом под душ – оттирать следы приключений. Под горячей водой стало хорошо, только проклятая чёрная жемчужина на левой щиколотке доставляла жуткую боль при всех попытках её выковырнуть. А так как боль я терпеть не умею, я сдалась и бросила эту затею.

Прежде чем кинуть одежду в машинку, я вспомнила о жемчужном «курином божке», покопалась в складках футболки и обнаружила его на кожаной тесёмочке. А вдруг это он виноват в моих перемещениях? Я зажала его в кулаке, стараясь не думать, куда я хочу, и пошла, завернувшись в полотенце и шлёпая босыми ногами, в кухню в поисках еды. Нашла в холодильнике супчик. Разогрела его и не заметила, как умяла всю кастрюлю, хотя обычно капризничаю, вылавливая по клёцке. Но я не наелась. Пришлось пустить в ход сосиски из морозилки и залить кипятком овсянку, пританцовывая от нетерпения. Ужас! Если я буду так кушать каждый день, я скоро не влезу ни в одно платье, и маме придётся подрабатывать, чтобы меня прокормить, а потом купить тележку, чтобы возить моё выросшее пузо. Нет, всё! Никаких перемещений! Раз для фигуры вредно...

Я спрятала «куриного бога» в шкатулку, а её в шкаф на нижнюю полку, под полотенца. Отряхнула руки и набрала дядю Серёжу.

– Тася! В чём дело? Куда вы пропали?!

– Мы? – сглотнула я, с нахлынувшим чувством вины вспомнив, что девчонки остались на чёрт-знает-гдешном пляже.

– Да, моя Рита, двое из сборной по гребле и чемпионка наша, из тяжелоатлетов. Вас видели вместе вчера. Тут волонтеры собрались, ищут по всему берегу! Где вы, Тася?! Не молчи!

Почему вчера? Ведь прошло от силы два часа с тех пор, как Крохина угрожала мне расправой под магнолиями...

– Я в Москве, – пробормотала я, не зная, как оправдываться.

– Что ты там делаешь?! – рявкнул он. – А девочки где?!

Хм... и правда, где они? На Гавайях? Только на каких-то других, с двумя солнцами...

– Я всё исправлю, – тихо сказала я, склоняясь над нижним ящиком.

– Что ты исправишь, Тася?! Что ты натворила?! – кипел, растеряв весь свой восточно-философский дух, мой дядя-каратист. – И я понимаю – ты! От тебя всегда неприятности, но Рита!

– Всё будет хорошо. Никого искать не надо, – буркнула я в трубку и быстро отбила звонок.

Мне было стыдно. Какая же я эгоистка! Ем тут суп кастрюлями, а девчонки... Пусть Крохину с гребчихами ни разу не жалко, но ведь Рита! Она такая классная! И за меня всегда горой. А я? Тьфу!

Я надела на шею тесёмку с дырчатой жемчужиной, натянула джинсы, майку, кроссовки и почувствовала себя супергероиней. Только плаща за плечами и светящейся надписи на груди не хватало. Я зажмурилась крепко-крепко и подумала:

«Хочу на Гавайи. К девочкам. На Гавайи. К девочкам».

* * *

Рядом раздался разнузданный клубняк, в нос пахнуло мартини, морем и головокружительной смесью духов. Я открыла глаза и обнаружила, что стою на ночном пляже, вокруг меня сверкает светомузыка и танцуют в купальниках девушки. Гавайки, в гирляндах цветов. Кажется, выступают. Танцовщицы с визгом бросились от меня враспынную. А я снова зажмурилась, не обращая внимания на резкую боль в щиколотке, и сказала себе:

– Не на те Гавайи, а туда, где не наш мир.

Меня закрутило так, что суп с кашей из желудка чуть обратно не выплеснулся. Ногу словно кошки принялись драть. Что-то загрохотало. Я открыла глаза и обнаружила себя в кресле, в темноте. Рядом попкорн, мальчик слева не заметил меня, продолжая тянуть колу через трубочку. На экране шёл последний космический блокбастер Люка Бессона. Мда, там мир не наш...

Тётка справа вытаращилась на меня испуганно:

– Это место занято. Муж в туалет вышел.

– Я уже ухожу, – пробормотала я не менее ошеломлённо. – А где я?

– Курить надо меньше! – слышалось сзади.

– Миасс, – сказала, моргая, тётка, – кинотеатр «Гавайи».

Извиняясь и больше не чувствуя себя суперменом, я прошла по рядам, отражаясь тенью на экране. Там герой пытался заполучить какую-то жемчужину. В пятке резало. Я остановилась в тёмном коридорчике перед выходом и почесала затылок. Что же всё-таки происходит? Актер в кино застрял рукой в ящике и не мог выбраться из параллельного мира в свой. А я не могу попасть туда, где остались девчонки. А ведь хочу!

И тут меня торкнуло: может, мне без похитителя из того мира вернуться не удастся? Может, – я с испугом глянула на свою посиневшую щиколотку, – он меня привязал к себе? По спине побежали мурашки. Ведь всё сходится! Судя по алчным глазам красавца, я ему была нужна. Очень.

В желудок упал холодный ком, и снова проснулся голод. Я вспомнила кулачищи с шипами, саблю и яростные, подведённые чёрным глаза. Выходит, чтобы вернуть девочек, мне придётся искать красавца-похитителя?! Мамочки... Но ведь я его боюсь!

Глава 5

В собственную квартиру я вернулась легко. Но от голода и упадка сил чуть с ног не валилась. Утомительное это дело – телепортироваться! Это только в фантастических фильмах – прыг, и всё. А на деле силы приходится восстанавливать. Причём, кажется, желудок вопит после каждого перемещения всё больше и больше, и темнеет до мошек перед глазами.

Доев последнюю сосиску, хлебцы, батончики со злаками и орехами, я нашла спрятанную бабушкой банку варенья и съела его, закусив пачкой сливочного масла, кое-как намазанного на разрезанный пополам батон. Только после этого я перестала трястись от изнеможения. Решимость позвонить в полицию стоила мне ещё двух яблок.

– Здравствуйте, – как можно взрослее постаралась звучать я. У меня голос, как у десятилетней, и несмотря на то, что я выше мамы, шампанское в магазине мне даже с паспортом продают неохотно. Я кашлянула. – Подскажите, пожалуйста, есть ли сводки в дежурной части об арестованном иностранце в необычной одежде? Дело в том, что пропал участник международного конвента по комиксам Марвел. Он совершенно не понимает по-русски и говорит только на местном диалекте. Мне как организатору поручили его найти, поскольку делегация должна сегодня улететь на родину... В Конго.

Мне стало стыдно, что я несу подобную чушь, но на том конце беспроводной связи у меня совершенно серьёзно осведомились об имени и внешнем виде потеряшки.

Описание «одет по фильму „Пираты карибского моря“, с саблей, макияжем и косами, почти как Джек-Воробей, но мужественнее, красивее, с щетиной и без шляпы» вызвало паузу, а имя... да простит меня похититель – Кыгыр Мухарка-Фу – смешок, просьбу повторить, отчаянное сопение и хихиканье в течение пары секунд.

А потом мне сказали строго:

– Нет, таких задержанных не было.

– А на проспекте Мира? Дебош в метро? – с надеждой уточнила я.

– И на проспекте Мира тоже. Обзвоните больницы. И запишите номер: там собирают данные по неопознанным трупам и лицам без документов, обнаруженным в бессознательном состоянии.

Я записала мрачные цифры, холодея от мысли, что иномирец погиб по моей вине и будет похоронен вместе с бомжами, бесславно и навечно потерянный для родных и близких – ведь они же наверняка у него есть... А моя замечательная каратистка и менее замечательные спортсменки останутся в неизвестных землях, их поработят, угнетут, продадут в рабство... О, Боже мой, только не это!

У меня даже голова закружилась от предложенных воображением ужасных картин: Крохина тянет баржу вдоль чудесной песчаной бухты и поёт песню бурлаков, оборванная и грязная. Гребчихи, прикованные цепями на галерах, проклинают меня ежечасно, а от их синих олимпийек остались только полоски на груди и бёдрах. Рита... нет, она не сдастся и погибнет, защищая свою честь в бою с ордой грязных пиратов.

Я всхлипнула.

А дядя Серёжа мне никогда этого не простит! И мама скажет: «Ты – внучка знаменитого профессора Воронцова, светила всей российской науки, дочь героя, погибшего лётчика-испытателя, моя дочь! Как ты могла?! Как ты могла без антибактериальных салфеток общаться с какими-то наглыми девицами?! Как ты могла отправляться с ними в неизвестные миры, не выпив предварительно витаминов, антигистаминных и иммуномодуляторов?! Ведь там же наверняка лихорадка и масса неизвестных болезней».

И снова затаскает меня по анализам... И будет таскать до тех пор, пока не найдёт какую-нибудь редчайшую бациллу Турс-Маасбанена или неизлечимый вирус Куско-Фронкенштерна.

Потом мама посвятит себя спасению меня, не спя ночами и вызывая у меня регулярный рецидив приступов вины.

А умру я в новой экспериментальной лаборатории, куда меня мама обязательно пристроит, пользуясь старыми связями бабушки и своими новыми, ведь она у меня педиатр. Под капельницей с ртутного вида жидкостью я испущу дух, жалея, что так и не поцеловалась со штангистом Витей Козлевиным.

Я снова всхлипнула и разозлилась: я-то хоть дома, а девочки чёрт знает где! Им хуже! А я тут сижу и жалею себя. Тьфу! Вытерла увлажнившиеся глаза и, поджав губы, набрала телефон – тот самый, мрачный, где находят без вести пропавших.

Пирата с подведёнными глазами там тоже не было. В большинстве приёмных больниц меня с таким описанием послали лесом, в других ни Кыгыр Мухарка-Фу, ни Ту-эр Маджива не значился. Я растерянно положила трубку, понимая, что совершенно не знаю, что делать дальше. Опустила ноги с дивана на пол и задела щиколоткой ножку. Жемчужина заставила меня скривиться. Я глянула на неё – вокруг по голеностопу расплзалась под кожей чёрно-синяя сеточка – ещё один повод маме отвезти меня в больницу к травматологу, аллергологу и инфекционисту; сделать укол от столбняка и сдать хирургам, чтобы вырезали гадость, а то пойдёт гангрена с последующей ампутацией. Нет, надо успеть найти Кыгыра, пока мама с работы не вернулась!

Я собрала в рюкзак всё самое необходимое, потом выложила половину необходимого, потому что было тяжело. Потом ещё половину половины. Но антибактериальные салфетки вернула обратно.

Написала маме записку, что всё хорошо, и мы с девочками отправились в путешествие с участниками одного международного конвента. Поблагодарила за суп, извинилась за сосиски и попросила позвонить дяде Серёже и сказать ему, что все живы, в порядке и целы; что девочки помогают мне в одном очень важном деле, о котором я расскажу ему подробно, когда вернусь. У меня самой не хватило духу ему ещё раз позвонить и врать напрямую. Я вообще врать не люблю, хоть и часто приходится...

Я пририсовала на записке поцелуйчики и цветочки, вымыла посуду, закрыла дверь на ключ и... столкнулась нос к носу с похитителем. Вид у него был потрепанный, от кожаной одежды пахло палёной куриной тушкой, сигаретами и потом, косы растрепались, лицо злое. Можно было испугаться и снова вызывать полицию, но я ужасно обрадовалась, что не нужно искать иномирца, и радостно воскликнула:

– О, Кыгыр, ты живой! Ура!

– Ыы? – опешил он. – Джива фу?

– Да! Совсем фу! Ты не представляешь, сколько я обзвонила больниц и полицейских участков! – затараторила я. – Твоя жемчужина – это гадость последняя! Вы, молодой человек, вообще с ума сошли, зачем вы её поставили? Ведь больно же! А как ты сбежал от полицейских? Там же отряд был! А как ты меня нашёл?! А вы знаете, как нам вернуться обратно?! Мне просто очень, очень надо вернуть моих подруг! Пусть и не все подруги, но всё равно... Очень надо, но вы...

И тут он зажал мне рот ладонью. Взглянул в глаза и пробормотал сурово:

– Адыщ, ма джива!

От его взгляда моя душа вновь упала в пятки, а от его железной хватки вся затея со спасением остальных показалась глупостью и жертвоприношением.

– Амэрос конго, – приказал он и убрал с моих губ ладонь.

– Вы хотите, чтобы мы вернулись? В ваше Конго? – прошептала я. – Но вы обещаете, обещаете мне, что не причините вреда?! Пообещайте, пожалуйста, а то я...

Он ткнул пальцем в потолок и ещё суровее рыкнул:

– Конго! Эн Джива-йе!

Красавец схватил меня за плечи и прижал к себе – ни вырваться, ни вздохнуть. Я выронила ключ на пол. Зазвенело. Воздух застрял в груди от страха и волнения.

– Я, пожалуйста... только вы тоже... я вас боюсь... правда... пообещайте, что будете вести себя достойно... благородно, как рыцарь... Ведь вы же порядочный человек, да? Вас даже акула любит... Наверное, вы добрый... – лепетала я.

Он со стоном воздел очи к потолку, выдохнул и... жадно впился губами в мои губы. Словам было некуда выпадать, и они устроили в моей голове хаос – та закружилась, тело стало горячим и бессильным, в бёдрах и в ноге заболело, как после укола магнезии, глаза сами закрылись, потому что внезапно мне сделалось... сладко. И очень страшно. Красавец прижал меня к стене и целовал, словно хотел выпить все мои мысли. Они исчезли в волнах в голове и дрожи. Нас закрутило и куда-то понесло. И только эхом издалека донёсся голос Ирины Павловны:

– Тасенька! Я вам пирог... Ой, извините, вы с молодым человеком... Ой, куда это вы-ы-ы?..

* * *

Куда бы нас ни несло в этом сладостном водовороте, но в последний момент мне снова представилась Крохина, баржа и протяжная песня бурлаков, и мы грохнулись на землю. Точнее, я на Кыгyra. И это было совсем не так, как в детстве бухаться на толстый дедушкин живот, словно на подушку, чтобы потом убежать от щекотки. Кыгyr был очень твёрдый, будто из гранита высеченный.

Я ахнула. Кыгyr буркнул. Глаза ослепило ярким светом, и, сощурившись, я увидела сквозь дымку два солнца: красное и оранжевое, а потом и Крохину. Баржи не было, и ремня бурлацкого тоже. Выглядела она обычно, со своим порозовевшим от загара носом-картошкой, каштановыми волосами, затянутыми в хвост над круглым лицом и... нимбом.

Ой, мы умерли?

– Так вот же она, выдра! – радостно заявила Крохина, что-то быстро дожёвывая. – Её и искать не надо!

В моё поле зрения попал её пудовый кулак. Нет, это точно был не рай. Я подняла голову и обнаружила остальных.

– Рита! – воскликнула я, слезая с похитителя.

Вокруг нас было что-то, похожее на площадь. Тянулись в небо белые башни, резьбой и орнаментом напоминающие мечети и соединённые между собой высоким забором. На шпилях башенок сверкала красным золотом то ли рыбка, то ли глаз. На раскидистом дереве с мелкими листочками и розовыми метёлками вместо цветов сидел радужный фламинго и чистил пёрышки. Возле башен высились многоэтажные конструкции. Их невероятные арки, колонны и дорожки были засажены самой экзотической растительностью. Если бы царица Семирамида, прославившаяся своими висячими садами, оказалась здесь, она бы наверняка задушилась от зависти – так это было живописно.

В беседке возле нас стоял внушительный деревянный стол, уставленный блюдами с едой. С массивной скамьи повскакивали мои соотечественницы. Целые и невредимые! Моё сердце вспыхнуло от радости. Ура, живые! Не в рабстве!

Кыгyr что-то прорычал про своё Конго, подскочил, схватил меня за руку и тут же попятился от девчонок. Или от трёх мужчин, возникших будто из ниоткуда. Все они были довольно молодыми, прямоносими, симпатичными, если не считать... кхм... голубых кос по обе стороны плеч. «Мальвины» были одеты в светло-синие балахоны непонятного кроя, перевязанные на талии толстыми поясами. На груди у каждого – по золотому медальону с глазом, как в пирамиде на долларе; в левой руке – по светящемуся посоху. Они направились к нам очень

решительно и, я не сказала бы, что дружелюбно. Но девочки их не боялись. Зато Кыгыр быстро обернулся ко мне, и я увидела в его глазах тревогу.

– Амырос ва, джива! Джива! – произнёс он, кажется, умоляя и стиснув мою руку своей лапищей. Свободной рукой Кыгыр выхватил саблю.

Поздно. Я даже моргнуть не успела, как трое мальвин щёлкнули посохами. Из тех взвились над головами мерцающие петли и мгновенно оплели Кыгыра, словно разумные змеи. Сабля лязгнула о серо-белые плиты. Моя рука была освобождена.

– Пойдите! – крикнула я. – Не надо!

– Надо, Тася, надо, – проговорила Рита, оттягивая меня подальше от Кыгыра. – Это разбойник и бандит.

Как же это?! Мои губы ещё хранили тепло его упругих и сладких, как черешня, губ, в моих бёдрах ещё пульсировало что-то волнующее и горячее. Кыгыр мотнул головой – только ей он и мог крутить – вперился в меня синими глазами из-под чёрных, густых бровей. Всё было в его взгляде: и досада, и злость, и разочарование – мол, эх ты, джива. Только страха в нём не было. Ни капли. Наоборот, гордость и какое-то превосходство, пусть Кыгыра и повязали по рукам и ногам. Словно он не преступник, а революционер, у которого есть правое дело.

– Кыгыр... – выдохнула я растерянно.

Откуда-то из-за моей спины вышел высокий бородатый старец, тоже с голубыми косами, как у мальвин. Он взмахнул посохом, и на меня осыпалось облако голубой пыли. Замерцало на футболке, на джинсах, и растаяло. Надо же! Старик, а как феечка в «Питер Пене»...

– Анастасия! – торжественно пробасил старец. – Мы рады, что великое Око привело тебя сюда! И что этот негодяй не успел воспользоваться тобой! О, одарённая дева, очарованная душа – прекрасная джива!

– Благодарю за такое красивое приветствие, почтенный. Очень польщена, – пробормотала я. – Только зачем вы схватили моего спутника? Отпустите его, пожалуйста. Он не сделал мне ничего плохого.

– Никак невозможно, – заявил старец. – Мы счастливы, что вы не только освободились сами, но и доставили к нам этого отъявленного разбойника и злодея!

– Нет, он не разбойник! – топнула я ногой и скривилась от боли в щиколотке.

Вдруг Кыгыр, который не отрывал от меня взгляда, сказал совершенно понятно:

– Смешная.

И покачал головой.

Рита сказала:

– Магистр Джуйендэ использовал магию распознавания языка. Он нам так сказал.

– Ага, удобная хрень, – вставила Грымова. – Нам бы перед соревнованиями в Канаде очень пригодилась.

– Магия... хрень... – повторила я за ними, ничего не понимая и чувствуя себя как-то нехорошо. Мало мне было телепортации!

Магистр тем временем присел и склонился над моей щиколоткой, коснулся пальцем чёрной жемчужины – та заискрила, шарахнув меня электричеством так, что в глазах потемнело. У магистра встала дыбом борода, как у кота шерсть, натёртая эбонитовой палочкой. Рита подхватила меня под руки и не позволила упасть. Из моих глаз брызнули слёзы, а тело задрожало. Я совсем не умею переносить боль! Только уколы терплю, и то палец закусываю.

– Мерзавец! – в гневе рыкнул на связанного Кыгыра магистр. – Как посмел ты, Киату Проклятый, привораживать к себе одарённую дживу?! Как только поднялась твоя скверная рука?!

– Посмел, – нагло задрал нос Кыгыр... точнее Киату. – И посмею снова! И буду делать всё, что захочу! Ты не указ мне, Джуйенде!

– Увести! – рявкнул магистр. – Заточить этого святотатца в казематы Моргуусы! Следить неотступно! – и тут же обратился ко мне: – Не бойся, прекрасная джива, магическая цепь не позволит сбежать этому злодею! Пока мы не снимем его чёрный приворот, его голова будет на месте, но в клетке. И значит, он не погубит тебя. Ты в безопасности!

Трое суровых мальвин потянули за концы посохов, заставляя моего коварного красавца идти за ними, он чуть не споткнулся, выругался. Затем обернулся напоследок и подмигнул:

– Я вернусь за тобой, джива!

Не знаю, то ли избыток чувств, то ли никак не утихающая боль в ноге, то ли страх от странного приворота Кыгyra-Киату, то ли ужас, что мужчину, который поцеловал меня слаще всех на свете, посадят в клетку и на цепь, то ли просто от того, что с очередным перемещением закончились мои силы, но я покачнулась и начала падать. Всё кружилось и погружалось в туман. Так уже было на физкультуре в школе, когда Станислав Олегович заставил меня бежать пять кругов, несмотря на справку от врача. А у меня всегда низкое давление, и в раздевалке я вот прям как сей...час. Выключилась.

Глава 6

Я очнулась на чём-то мягком-премягком. В нос мне не сунули вонючий нашатырь, и в комнате не пахло привычно лекарствами, совсем наоборот – вокруг меня распространился чудесный запах сдобного теста, ванили, кардамона, корицы и малины с шоколадом. И ещё чего-то умопомрачительного. У меня сразу потекли слюнки. Обожаю малину! Обожаю шоколад!

Я живо открыла глаза и увидела на тумбочке рядом со взбитыми под моей головой подушками волшебное зрелище – пирог с красными ягодами, украшенный шоколадом и взбитыми сливками. Он красовался на серебряном блюде и просил: съешь меня, прямо сразу и без остатка – хоть лицом в торт!

Я сглотнула и всё-таки сдержалась, потому что на меня смотрела похожая на медсестру немолодая дама, вроде бы и не полная, но фигуристая, с высоко и настолько пышно поднятыми светлыми волосами, что сама могла бы играть роль взбитых сливок в какой-нибудь рекламе. На лбу дамы, прямо под линией волос, была нанесена чем-то блестящим розоватая линия, как орнамент с завитушками, которые на висках завершали переливающиеся белые кристаллы. Натуральный Сваровски! Других украшений на даме не имелось, кроме вставленной в ухо жемчужины – такой же, как у коварного Киату.

Не стану о нём думать!

Бело-голубое платье дамы было простым, с юбкой до пола и широким поясом, к которому была пришита целая лесенка широких карманов. Если бы Вассерман родился женщиной, ему бы такое пригодились вместо знаменитого жилета. Серые глаза на круглом лице дамы улыбались и выражали заботу. Она мне сразу понравилась.

– Я знала, что юная джива не устоит перед запахом моего пирога и решит вернуться из подпространства в наш бранный мир! Это всегда срабатывает, – сказала мелодичным голосом дама. – Я – джайна Флойялори, но все меня называют коротко: джайна Фло.

– Очень приятно, а я Анастасия, коротко Тася. Я не отправлялась в подпространство, честно! Просто в обморок упала, – ответила я. – У меня вечно проблемы с давлением. А пирог, правда, пахнет бесподобно. И выглядит...

– Слава Богу, очухалась, – выдохнул кто-то.

И я увидела не только Крохину, но и всех девчонок, заходящих в комнату с подобия террасы с белыми колоннами.

– Чего ж ты, выдра, хлипкая такая? – сочувственно спросила Грымова. – Натуральная сопля в сахаре.

– Мне не нравится этот эпитет, – насупилась я.

– За «эпитет» в лоб дам, – пыхнула Грымова.

– Это не ругательство, это означает «сравнение».

– А-а, ну тогда терпи, – сказала Грымова, – мне тоже не нравится в пять утра вставать на пробежку, а тренер заставляет. И не растаяла...

– У тебя ничего не болит? – осведомилась Рита, сев на краешек кровати.

– Кажется, нет. Даже щиколотку отпустило.

Я высунула ногу из-под простыни и ужаснулась тому, что увидела: от задней части щиколотки ажурная сетка, словно нарисованная тонким чёрным химическим грифелем, обвивала всю мою лодыжку, как браслет. Пятке тоже досталось. Бррр, просто мороз по коже!

– И что это значит? – обеспокоенно спросила Рита.

Джайна Фло сказала:

– Это чёрная жемчужина – приворот-привязка. Она въедается под кожу и не позволяет скрыться от колдуна или того, кто заплатил магам тёмного племени. – Джайна Фло глянула на

меня сосредоточенно. – Обычно её ставят на шею, у головы, если хотят поработить разум, или у сердца, если хотят подчинить чувства... А вот к пятке... Такого ещё в моей практике не было.

– Куда достал, туда и ткнул, – поджала я губы. – И пяткой в нос получил, надеюсь. Не очень было видно, куда я его лягнула...

– Ну, ты даёшь, выдра! А на вид лебедьдохлый, сорт второй, не ошипанный, – удивлённо вставила Крохина, пробуя на вес каменную вазу с искусно вырезанными рыбами.

Я сделала гордый вид: мол, я ещё не то могу, что, в принципе, было правдой. И обратилась к «медсестре»:

– Пожалуйста, уважаемая джайна Фло, снимите эту чертовщину с меня поскорее! Пусть этому гаду даже мою пятку поработить не удастся!

Но дама развела руками.

– Увы, простой магией этот приворот не снимается, придётся поломать голову нашим врачевателям.

– Неужели мой похититель – колдун?! – вырвалось у меня.

Ответил мне невысокий, но крепкий мужчина лет около тридцати с орлиным носом и пронзительным взглядом. Он вошёл стремительно в дверь из коридора, а не с террасы. Коса у него была короткая, чёрная и только одна. И одет он был не в балахон, а в светлые штаны и рубашку, по крою напоминающую сюртук. На лацкане – алая, как кровь, капля кристалла. В ухе – тоже жемчужина, продолговатая, как фасолина. Странная мода...

– Нет, похитивший вас Киату Джикарне – не колдун, – сказал вновь прибывший, – но денег на мага высшей категории из Тёмных племён он не пожалел.

– Зачем? – спросила Рита.

– Киату Джикарне – преступник, попросту говоря – вор. Такие злодеи мечтают завладеть дживой, ведь она сможет перемещать его и, при надобности, целую банду туда, где хранятся сокровища. Да вот беда: джива – явление редкое. Когда она обучится, обретёт опыт и мудрость, её уже не подчинить. Поэтому мечта любого грабителя и разбойника – заполучить юную дживу – такую, как вы, джани Анастасия.

– А вы кто? – спросила Аня Фуц.

– Я – Аэрт Джоно, советник его Величества, короля Каидерна-Джи-Маджи великого, – сказал без всякого апломба мужчина. По повадкам и манере говорить можно было запросто заключить: советник он секретный и специализируется по тайным операциям.

– А почему вас, такого высокопоставленного чиновника, вдруг заинтересовала наша Тася? – с сомнением спросила Рита Дзен.

– Потому что появление дживы в нашем государстве, в нашем мире вообще – событие экстраординарное, – заявил он.

– Но ведь мы могли сюда и не попасть, откуда же вы и тот самый вор узнали место и время появления Таси?

– О, – потёр ладони господин Джоно, – дело в том, что есть наука о звёздах и сверхъявлениях, которая позволяет вычислить событие довольно точно. Она называется Джоптиш.

– И ваши джоптисты раздают сведения направо и налево? – с подозрением хмыкнула Грымова.

– Отчего же? Наши – нет, – вкрадчиво сказал советник Джоно. – А вот джопиши с тёмной стороны магии готовы продать кому угодно любую информацию за большие деньги.

– Ну, так вы спросите у того бородатого, к кому он обращался, явно ему прогноз поточнее вашего выдали, – усмехнулась Грымова. – Ваши-то джописки, как наши метеорологи, даже в Яндекс не посмотрели.

– Яндекс, – озадачился советник Джоно, но тут же нашёлся. – Не волнуйтесь, мы заставим говорить Киату Джикарно и выдать все его планы, сообщников и прочее. Даже Яндекс, если такой есть.

У меня в душе дрогнуло.

– Не надо его пытаться, – попросила я, коснувшись пальцем собственных губ.

Джайна Фло посмотрела на меня обеспокоенно, а советник улыбнулся:

– Не волнуйтесь, юная джива, у нас есть разные методы разговаривать несговорчивых.

От его улыбки мне стало не очень, а Аня Фуц махнула рукой:

– Так, всё ясно. За разъяснения спасибо, но пора и честь знать. Нам надо обратно, на сборы. На Землю, в Сочи, в спортивный лагерь. Тася нашлась, мы поехали или как там правильно сказать...

О! Она не назвала меня выдрой! – удивилась я. – Воистину магия!

– Увы, придётся вас расстроить, джани, – встряла в разговор джайна Фло. – Вашей дживе надо восстановить силы. И пока мы не снимем с неё чёрную жемчужину, она не сможет покинуть мир, в котором находится привязчик, то есть вор Киату.

– То есть нам тут ещё торчать? – возмутилась Грымова. – Да нас тренер закопает! Мы и так уже, наверное, к отбою не успели.

Мне стало страшно признаваться, что нас уже сутки с собаками по всему побережью ищут.

– На Земле... кажется... уже наступил другой день... – пискнула я осторожно.

– Опа, – произнесла Грымова. – Как это?

Я пожалала плечами, опасливо глядя на её бицепсы.

– Как-то незаметно...

– Как песок подкрался... Ну, выдра! – насупилась Крохина.

– Не волнуйтесь, джани! – поднял руки советник. – Опытная джива сможет вернуть вас в тот момент времени, откуда забрала. И никто никогда не узнает, что вы провели час, день или год в ином мире.

Мы все уставились на него, раскрыв рты.

– Но ваша джива слаба и ничего не умеет. Поэтому может не только перенести вас не туда, напутав в тканях пространств и миров, но и ещё не тогда. Ведь мудрецы не даром говорят, что время течёт в одну сторону, как река к океану, только в том мире, где его запустили. А в чужом и между мирами оно движется, как хочет. Время может замереть или перепрыгнуть в любую сторону играючи.

– То есть... – кашлянула Рита, – мы можем переместиться на Землю в эпоху динозавров?

– Не знаю, кто такие динозавтры, – улыбнулся хитро советник, – но эпоха действительно может быть любой. Причём если джива слаба, у неё может не хватить сил для перемещения всех вас в одно и то же место. А если не научится восстанавливаться правильно, джива может умереть. Она ведь не просто так потеряла сознание – по неопытности перерасходовала энергию, перемещая не только себя, но сначала вас всех, а потом ещё и вора Киату... Так что, да, умереть она может, если будет столь же неразумной и впредь. А вы останетесь навечно там, куда попали по ошибке.

– Блин, – закрыла рот ладонью Аня. – Я не хочу к динозаврам. И к динозавтрам тоже не хочу. У нас квалификация должна быть в конце недели! Давай, Анастасия, восстанавливайся и возвращай всех нас.

– Ей надо научиться, – мрачно вставила Рита.

– Так пусть учится! – крикнула Аня.

– Именно об этом я и пришёл поговорить с вами, – дипломатически грамотно встрял советник. – Все существующие в мирах дживы обязательно попадают в наш мир, их притягивает закон включения. Потому что только здесь есть Храм знаний, где дживу могут всему научить. Как только джани Анастасия восстановит силы, мы предложим ей обучение. Оно не будет ей ничего стоить, ибо ведётся на пожертвования прихожан молельни Ока.

– Ясно, – кивнула Рита. – Бесплатно, это хорошо. Но мы-то вам зачем? Отправьте нас обратно с другими дживами.

– Невозможно, – улыбнулся советник Джоно. – Дживы – это не тележки для перевозки. Великая сила переместила вас всех одновременно вместе с пробуждённой дживой, потому что ей нужна ваша помощь. Мне доложили, что вы все, джани, хорошие бойцы. А на вашу Анастасию охоту открыл не только вор Киату, поверьте моему опыту. Тёмный рынок уже кипит предложениями и запросами, или вот-вот закипит. Так всегда происходит, когда в мире появляется только что пробуждённая джива.

– Я не поняла, вы что нам предлагаете? – рявкнула Грымова. – Выдру сторожить? Я – мастер спорта, между прочим, а не бобик дворовой!

– И я не согласна! – выступила вперёд Крохина.

– Это несправедливо! – буркнула Аня. – Мы против!

Мне стало противно. Не нужны мне такие защитницы. Кто бы меня от них защитил?! Да они меня сгноят, если останутся, тундры неотёсанные, грубые, ужас! Я только раскрыла рот, чтобы ляпнуть: «Ну и не надо», как советник произнёс, ничуть не смущённый бунтом девиц:

– Как угодно, джани, но джива Анастасия – ваш единственный шанс вернуться в свой мир. Вы, конечно, можете пока устроиться на галеры. Или корабли на ремонт вдоль берега тянуть. Потому что пока она учится, никто вас тут содержать не станет. Другое дело – платить личной охране дживы, которой и жильё, и питание, и всё необходимое, и даже свыше того государство предоставляет, как госслужащим. Но вы же не хотите этого, значит, работайте спокойно на галерах. А если её похитят снова, поработят или сведут в могилу, будете работать и дальше... всю жизнь. Там же. А ещё у нас есть дома для одиноких, чтобы утешаться в любви и ласках. Туда вы тоже можете устроиться. Можно ещё что-нибудь продать магам тёмного племени. Свою руку или зубы, например. В общем, у вас богатый выбор.

– А долго Тасе учиться надо? – напряжённо спросила Аня.

– Пока красное и жёлтое солнце не поменяются местами. То есть почти год, – улыбнулся советник.

В комнате зависла леденящая пауза, было слышно, как на улице каркают фламинго, шумят ветвями пальмы и плещется где-то рядом море. Кажется, я забыла, как дышать. Год! Учиться! Жить! Тут! А мама? А наша уютная квартирка? А дядя Серёжа?! Да у меня даже на неделю антибактериальных салфеток не хватит!

Рита встала рядом со мной.

– Я согласна.

Мои противницы вышли на террасу, посоветовались и вернулись с красными, потными лицами. Грымова выступила вперёд:

– Мы тоже согласны. Если с содержанием.

– Вот и прекрасно! – потёр вновь ладони советник, будто и не сомневался в результате. – Джайна Фло введёт вас в курс дела.

Я покосилась на всё ещё пахнущий пирог. Мне срочно надо было заесть стресс. От меня, получается, зависят жизни четырёх человек. Вернее, пяти, если считать мою собственную. Мне придётся учиться. Господи, хоть бы не математике! Стихи, заговоры, сколько угодно... Мамочки! Страшно как! И ответственно! А вдруг я не справлюсь?!

И тут перед моим носом появился здоровенный кулак Крохиной.

– Слышь ты, выдра, учиться будешь хорошо! А не то я разбираться не буду, джива ты или моль облезлая!

Судя по лицам окруживших меня спортсменов, у меня не было иного шанса, кроме как стать отличницей...

Глава 7

Голубые маги порядка вели Киату Джикарне не по центральным улицам, а по задворкам и лабиринтам трущоб. Толкнув в спину, заставили спуститься по ступенькам на палубу лодки стражников. Провезли по каналам вглубь острова. Огороженные естественным скалистым хребтом, который невозможно было преодолеть, казематы Моргуусы представляли собой безликое здание о пяти углах. Когда-то оно служило крепостью для защиты населения островного государства Дживайя при нападениях извне. Но уже многие десятки лет назад оно превратилось в тюрьму, наводящую одним названием ужас на жителей страны. Все знали, что отсюда не сбежать.

Единственный канал, ведущий в казематы Моргуусы, был прорезан, как тоннель, в толще скалы. Решётки-ворота, уходящие до самого дна, разъезжались, как пасть акулы, чтобы впустить новых пленников и очень редко, чтобы выпустить. Киату практически ничего на свете не боялся, но при виде этих ворот, лязгающих и отчаянно скрежещущих, его сердце всё-таки дрогнуло.

Голубые маги проследили, чтобы заключённому выделили одиночный каменный мешок, куда воздух попадал через крошечное, зарешеченное оконце в железной двери. Ошейник защёлкнулся на шее Киату, заставив склонить от тяжести голову. Один из магов порядка провёл посохом по цепи, приковывающей пленника к стене, и звенья одно за другим вспыхнули голубым мерцанием. Киату вздрогнул, но тут же нагло ослабил:

– Всё? Обеспечили безопасность? Может, меня лучше подвесить на цепях, как паука, чтобы не сбежал? Или у вас на цепи лимит?

– Молчи, не выпускай в мир свою смердящую наглость! – высокомерно ответил один из голубых магов.

– Ну, если наглость нельзя, могу ещё что-нибудь, – хмыкнул Киату и приложил ладонь к животу. – О, чёрт, нет, не могу! Поесть сегодня не успел. А когда тут обед? Передайте на кухню, мне мяса и бобов. И чтобы не забыли – соуса пепсового побольше, со специями и пузырьками! Да погорячее!

– Шут! – выпятил губу первый маг.

Они вышли за пределы камеры и только тогда, подняв одновременно посохи, сняли магические петли, оплетающие заключённого. Киату поводит затёкшими плечами, потёр кисти рук.

– Скоро ты шутить перестанешь, – процедил второй маг с длинным носом.

– Этому никакой похлёбки. Лепёшку похуже и воды. На прогулки не выводить, с цепи не снимать, – распорядился третий маг вытянувшимся по струнке усатым стражникам, нечёсаным и замшелым, как углы казематов, покрытые плесенью. Всё оттого, что дежурили они тут по месяцу, не выбираясь на свет. В компании насекомых и преступников за решётками. Работёнка мерзкая, но оплачивалась хорошо и потом давала целых два месяца отпуска. Как говорится, через месяц на третий.

– Ап-ув-гол-маг-буд... сделано! – по-военному рявкнули хором три стражника.

– Любого, кто поднимет руку на дживу и нарушит священные законы Дживайи, ждёт медленная смерть за решёткой, – пафосно сказал длинноносый маг.

– Или быстрая на площади для казней, – договорил за него третий маг.

Первый захлопнул дверь в темницу. Киату расхохотался:

– Ой, боюсь-боюсь! Эй, стражники, признавайтесь, вы когда своё «ув-гол-маг» говорите, имеете в виду «увалень с голой задницей» или «а пошел бы ты, увеличение головы делать, маг»? Да-да, им надо. Вместо мозгов парочка заклинаний. Отними посох, они и расплачутся.

– Шутник, – покачал головой круглолицый стражник, – сиди. И не таких обламывали.

– Да я не успею обломаться! – хмыкнул Киату. – Надолго тут не задержусь. Что у вас делать без пепсового соуса, да ещё и без мяса? Нет-нет, и не уговаривайте!

– Отсюда не сбежишь, – крикнул круглолицый удовлетворённо, словно сам эти стены выкладывал. И отошёл от двери.

Киату не стал прислушиваться к бормотанию стражников, которые, кажется, делали ставки на то, через сколько дней он сломается, начнет выть и плакать. Сталактит из коридора еле светил, от духоты на лбу проступил пот, ошейник давил на загривок, как камень. Улыбка сошла с лица Киату. Он сел на холодный пол и принялся вслушиваться в гулкую темноту.

* * *

Было так тихо, что пленник слышал, как бьёт кровь по вискам. Желудок свело от голода. Сталактит почти погас, и в решётку вместо воздуха потянулась вонь. Киату провёл рукой по лицу, ему было не по себе. Жуть и темнота способны околдовать даже смелых. Он не думал, что всё будет так. И что минуты будут тянуться, как вяленая медуза. Киату уже устал пялиться в тёмные углы и прикрыл глаза. И, как обычно, в молчании приходит то, что не просишь. На этот раз лицо дживы из другого мира.

Девчонка совсем. Смешная... Брови удивлённо взлетают над голубыми, как море утром, большими глазами. Волосы цвета мокрого песка, мягкие, словно ткань для платья королевы. Кожа светлая, нежная, кажется, прозрачная на просвет, розоватая, как у ребёнка. Такую приятно целовать и хочется трогать. А губы пухлые, розовые, притягательные.

Киату облизнул свои, пересохшие, и подумал, что попробовал бы на вкус не только губы девушки, но и всё остальное. Кто бы подумал, что джива может быть такой... – просто женщиной, слабой и сладкой, на лбу которой хочется навести своё мухаро и не делиться ни с кем? Но дело есть дело. Или он всё-таки сглупил? Нет, она нужна и слишком высоки ставки! Он должен был!

Киату повернул голову вправо-влево, чувствуя, что скоро шейные позвонки начнут сами ломаться под тяжестью металла. Встал, попробовал найти более удобное положение, чтобы цепь не давила. И вдруг послышались шаги. Киату потянулся к слабо мерцающему светом оконцу, но тут же взял себя в руки и попытался развернуть плечи. Он никому не покажет свою слабость! Ни за что на свете!

Шаги слышались всё чётче и приближались, заставляя сердце колотиться. Сталактит вспыхнул, как свежий, только добытый из пещер. Дверь в темницу открылась со скрежетом. В проёме появился невысокий человек. Лицо его под шляпой было скрыто маской, от которой сборки ткани падали до локтей, прикрывая плечи и грудь. Плащ же укрывал остальное, и только по носкам сапог и шагам можно было догадаться, что пришедший скорее всего мужчина.

– Что-то вы долго, – ухмыльнулся Киату Джикарне. – Я уже успел заскучать.

– Вот и хорошо, – вкрадчиво ответил мужской голос. – Надеюсь, ты, Джикарне, получил достаточно впечатлений, чтобы не захотеть возвращаться сюда вновь и своих поделщиков надоумить, что выступать против короны – затея дурная.

– О, так это была профилактика?! – осклабился Киату. – Запашок так себе, а вообще пойдёт. Стены крепкие, землетрясения и извержения вулкана, если что, можно не бояться.

– Так что, останешься тут?

– Э нет, – покачал указательным пальцем Киату. – Уговор есть уговор. Я – нашёл дживу, удержал её в этом мире и поставил привязку, чтобы она никуда не смылась отсюда. Вам же выгодно списать всё на разбойника и оставить ручки беленькими, не так ли?

– Ты чуть её не потерял.

– Но не потерял. Зато помотался по адским мирам за ней. Кто знал, что она окажется прыткой и затащит меня в свой гудящий город?

– Ты должен отдать мне связующую жемчужину повеления, чтобы впредь мы контролировали дживу сами.

Киату цокнул языком.

– Не выйдет. Даже если отдам, привязка поставлена на моё «Я», – он закатал рукав и показал чёрную вязь, которая, словно замысловатая татуировка, оплетала его правую руку у локтя. – И если я буду усиленно думать сами знаете о чём, джива, заболит и будет лежать без сил, совершенно бесполезная для вас, пока не отдаст Оку душу. Мне ведь тут, в темнице, терять будет нечего. Хотите? И прикончить меня у вас тоже не выйдет, получите тот же результат – мёртвую дживу. Или ищите в тёмных племенах той стороны Джирату, который сделал привязку. Но боюсь, он вас пошлёт лесом. Джирату никогда не переделывает заказы. Да вы его ещё и не найдёте.

– Перестраховался, мерзавец, – проговорил таинственный гость.

Киату ухмыльнулся.

– Я-то знаю, что никому из правительства доверять нельзя. Тем более вам. – И тут же Киату посерьёзnel, даже голос его изменился, стал ниже и чётче. – Теперь о деле. Я выполнил всё, что требовалось. Пора приступить к вашей части сделки. Где мой брат?

Гость в маске помолчал немного, рассматривая руки пленника, потом ткнул пальцем на жемчужину в ухе и сказал:

– Освободите заключённого Марта Джикарне. По протоколу. И подготовьте лодку на выезд. Это всё.

– Э-э, – покачал головой Киату, – не всё! Речь шла ещё о Большом Трэджо.

– Это было при условии, что жемчужина повеления достанется мне.

– Ай-яй-яй, – скривился Киату, – нет, вышло недопонимание! Или свободу нам троим, или я могу уже сейчас начинать доканывать мыслями вашу хилую дживу. Это будет весело! Выбирайте!

Человек в маске думал не долго. Он снова коснулся пальцем того места, где у всех в ухе располагалась жемчужина связи, и сказал:

– Трэджо Фуэрте тоже освободить. Обоих заключённых переместить на лодку для вывоза в город. Никаких «но», выполняйте приказ! – снова нажал на жемчужину и шагнул к выходу. – Пойдёмте, Джикарне.

Киату показал на цепь и усмехнулся:

– Прикажете мне каменную кладку вырвать? Я бы с радостью, но не завтракал сегодня.

– Ах, да, – раздосадованно добавил гость, достал из складок плаща магический посох, щёлкнул им, и ошейник упал на каменный пол, отчаянно лязгнув.

Киату не успел и глазом моргнуть, как голубые петли вновь оплели его плечи и руки.

– Это ещё зачем?! – возмутился он.

– Я тоже не дурак, чтобы доверять свою спину тебе, Киату Джикарне. Идём.

И они пошли по каменным лабиринтам, мимо внезапно заснувших стражей и вспыхивающих на стенах при движении сталактитах. Решётки открывались и закрывались. Вскоре Киату вдохнул полной грудью свежего воздуха с привкусом морского бриза. В готовой к отплытию лодке уже ждали Март и Большой Трэджо, ничего не понимающие, с завязанными глазами. Два вооружённых до зубов стражника стояли на ее корме.

Можно было радоваться, но что-то давило в груди Киату. Он обернулся на человека в маске и спросил полушёпотом:

– А что вы будете делать с дживой?

– Не твоё дело, Джикарне, – отрезал чиновник. – Иди. Время поджигает. Магические пути осыплются, как только стража освободит вас по ту сторону Моргуусы. И не попадайтесь мне больше на глаза! Сделка окончена.

Киату ступил на палубу лодки, почти мини-корабля, к своему брату и лучшему другу, ради освобождения которых пошёл на преступление против священного закона Ока. На душе было скверно. Не хотелось ни шутить, ни говорить, ни праздновать. Ещё не понявших своё счастье заключённых вывезли сквозь тоннель, вытолкнули на сушу.

Лодка отчалила обратно, и путы магии действительно рассыпались. Киату бросился развязывать обычные верёвки на запястьях Марта и Большого Трэджо.

– Вы свободны, ребята! Скорее, мы свободны!

Освобожденные, они сорвали чёрные тряпки, завязанные на глазах, вытащили кляпы, и Киату увидел на их лицах изумление и ликование.

– Киату! – воскликнул младший брат. – Что ты сделал? Как?!

– Спасибо, дружище! – стиснул его в железных объятиях Большой Трэджо. – Я тебе жизнью обязан!

– Пойдёмте отсюда скорее, пока мы снова не оказались на зловещей стороне Моргуусы! – сказал им Киату.

И они втроём ринулись прочь – в лабиринты трущоб, а затем в джунгли – туда, где их никто не найдёт. Киату бежал, ловя ноздрями воздух, и не мог избавиться от давления в груди. Скверно, как ему было скверно! Перед глазами то и дело возникало очарованное поцелуем лицо дживы из другого мира. Несмышлёная, глупая, нежная... Красивая. Лицо её было столь явственным, а ком в груди столь тяжёлым, что мешал дышать. Сеть привязки у локтя вдруг начала жечь кожу. Киату остановился у куста манджории с сильно пахнущими по ночам цветами, прокашлялся, ударил себя в грудь несколько раз кулаком и вновь побежал.

К чёрту сомнения! Он должен был спасти друга и брата! Дживу правительство точно оставит в живых, а вот их через день ждала площадь казней...

Глава 8

Если бы я не знала, что происхожу из династии врачей и лётчиков, а в дедушках у меня значится сам профессор Семён Аркадьевич Воронцов, я бы могла уверенно утверждать – в моём роду был Карлсон – тот, что живёт на крыше! И всё детство меня лечили генетически и категорически неправильно! Ведь когда Карлсон кричал Малышу на крыше: «Я – самый больной человек в мире», лечить его полагалось конфетами, вареньем и печеньками. Вот и мне помогло! Стоило умять пирог с малиной, шоколадом и взбитыми сливками, от которого отказались мои спортсменки, запить его чем-то белым и почти ананасовым, съесть, черпая большой серебряной ложкой клубничное варенье из фигурной банки; закусить орешками неизвестных сортов, уничтожить половину содержимого огромной вазы в виде корабля, заполненной трюфелями, желейными конфетами, шоколадными, карамельками в виде рыбок, медовыми шариками с фруктами, грильяжем и массой прочего сладкого блаженства, названия которому я пока не подобрала, сил у меня прибавилось настолько, что я спрыгнула с кровати, бодрая, как огурец.

Джайна Фло, приставленная ко мне в качестве то ли личной медсестры, то ли дуэньи, тотчас прикатила в мою просторную комнату вешалку на колёсиках – почти, как из ИКЕИ, и предложила выбрать платье для занятий.

– А девочкам? – спросила я.

– Телохранительницам дживы выдадут костюмы, как только их закончат подгонять по фигуре. Но ткани и цвета будут зависеть от вашего выбора, джани Тася.

– Просто Тася, пожалуйста. А куда ушли мои девочки?

– Устраиваться в своих комнатах.

– Где? Далеко отсюда?

– О нет, джани... Тася. Вас разместили на верхнем этаже южной башни, а комнаты охранниц расположены перед вашей.

– Как интересно! Я хочу на это посмотреть!

– Непременно, но сначала платье.

– Хорошо.

Не скажу, что предложенные мне наряды были платьями мечты. К фасонам, наверное, я потом привыкну. Ведь сначала джинсы в облипочку мне тоже казались перебором, а теперь ношу-не снимаю. Правда, с женственными блузочками или свитерками в стразах.

Во-первых, все предложенные тут платья были длинными, с рукавом не короче две трети. Во-вторых, под них предлагались штанишки. Узкие, почти лосины. Были и широкие, но это же вообще из сказки о тысяче и одной ночи...

– А без штанов никак нельзя? – спросила я.

– Что вы?! Это же неприлично!

– Зато не жарко, – вздохнула я, понимая, какие мы, современные девушки, счастливицы! Хочешь шорты, мало отличающиеся от трусов? Пожалуйста! Встретишь девушку в маечке, как из каталога нижнего белья? Ну и что! Юбка – экстремальное мини? Сколько угодно, только мимо азербайджанцев на рынке не ходи, или наоборот, ходи – в зависимости от начальных целей. А тут... Их модельеры вообще на улицу выглядели? Или у них градусник не изобрели? Ужариться же можно в таком балахоне в почти сорок градусов! Молчу уже о том, что совсем не видно фигуры...

– О! Вот это, – ткнула я пальцем в бирюзовую тунику всего лишь до колена с разрезами на бёдрах.

– Хорошо, мы отложим этот костюм для активных занятий, – кивнула джайна Фло. – Но чтобы просто ходить по Храму Знаний вам придётся выбрать что-то из более закрытых вариантов.

О, мой Бог! Словно бабушка в ухо прошептала: «Ноги надо прикрывать». Зачем?! Увы, «монастырь» был чужой, и со своим уставом, как говорится, лезть в него было нельзя. Хоть и очень хотелось.

Пришлось облачиться в один из балахонов, сверху почти по фигуре, книзу разлетающийся лёгкими тканями. Я выбрала нежно-сиреневый. Джайна Фло подпоясала меня несколько раз широким белым поясом, и оказалось вполне симпатично. Когда я увидела отражение и понравилась себе в зеркале, энергии ещё больше прибавилось.

– Вам идёт, джани, – сказала моя дуэнья. – А теперь надо нанести мухаро. – И показала на свой лоб с орнаментом.

– У вас очень красиво, – пробормотала я, – но давайте не будем, а? Вдруг краска с аллергическим составом, и мой лоб покроется красными пятнами, я знаю, от одного карандаша для бровей уже так было. Потом ходила, как дочь вампира...

– Но, джани, – всплеснула руками добрая женщина, – для женщины выйти из дома без мухаро – всё равно, что быть голой!

Кхм, я себе ощущала одетой, даже чересчур.

– Зачем эти узоры нужны? – поинтересовалась я. – Просто для украшения?

– Нет, конечно! Мухаро очень важен. Он как бумага для каждой мухарки – женщины Дживайи, указывает, к какому дому она принадлежит, или какому мужчине. Только гуляющая женщина может появиться на людях с чистым лбом.

Я чуть не поперхнулась воздухом. Вот что имели в виду аборигены, говоря «мухарка фу»! Кастовость какая-то! И неравноправие! Всё моё Я возмутилось.

– Я из другого мира, как и мои спутницы. И мы абсолютно точно никому не принадлежим.

– Ну что вы, Тася, – мягко промолвила джайна Фло. – Вас содержит государство, и в данный момент вы относитесь к Храму Знаний.

Я взглянула на узоры на лице моей наставницы и вздохнула: хоть не стикер на лоб приклеивать.

– Ладно, выглядит красиво. Если без этого нельзя...

– Никак нельзя.

И я отдалась в заботливые руки джайны Фло. Она ещё и волосы мне локонами уложила, приподняв так, чтобы не скрывали то самое «мухаро». Оно отличалось от того, что было нарисовано на её лбу.

– А что тут написано?

– Как я сказала, просто студентка Храма Знаний. Магистр и советник распорядились не афишировать, что вы – джива.

«С модой просто придётся смириться! – решила я. – Что поделать, если они такие отсталые...»

– Спасибо, джайна Фло! – Я встала с пуфа у зеркала. – Идёмте же! Очень хочу увидеть, как устроились девочки! Если у вас есть другие дела, я могу сама.

Я рванула к двери, умирая от любопытства и желания увидеть новый мир. Надо осваиваться, в конце концов! Может, тут круче, чем в Хоггвартсе?

– Постойте! – подхватила меня под руку джайна Фло. – Джива не может ходить одна! И находиться одна тоже! Тем более после всего, что случилось!

– Совсем? – удивилась я.

– Совсем. В вашей комнате будут постоянно дежурить две охранницы. Ещё две должны будут сопровождать вас по территории Храма Знаний и на занятиях. За пределами Храма

вам потребуются все телохранительницы. В полном вооружении. Также, при необходимости покинуть наши стены, вас будет охранять хотя бы один из магов порядка.

– Это тот, что с голубыми косами?

– Да, совершенно верно.

Я поджала губы. Мне это всё не нравилось. Мальвины особенно! В детстве за мной неусыпно следила мама – выпила ли я лекарства, нет ли температуры, сыпи, отравления... Столько «нельзя», наверное, никто за всю жизнь не слышал! Потом школа, половину которой я провела в постели, подхватывая простые и экзотические болезни где угодно. Ещё и бабушка на пенсию вышла. Снова постоянные «не хорошо, не прилично, не достойно, не полезно для здоровья, моветон...» О-о-о! И вот я вырвалась в университет, не на медицинский, как все, а на филологию, чем сильно огорчила маму. Но что делать, если стихи Бодлера меня восхищают больше, чем атлас по анатомии? Я, наконец, официально стала совершеннолетней! В первый раз, в первый (!) меня отпустили самостоятельно куда-то... Ну, пусть и с дядей. Но он нормальный, вообще не обращает на меня внимания. И теперь опять под присмотр?! О, нет!

– Может, ещё и в туалете меня будут сопровождать? – буркнула я недовольно.

– Во время туалетных и ванн процедур с вами тоже должен кто-то находиться.

Я представила Крохину, натирающую мне спинку... кирпичом.

– Нет уж! – не выдержала я. – В туалете и ванной – ни за что!

Джайна Фло моргнула и открыла рот, чтобы возразить, но я выпалила быстрее:

– Это противоречит моим религиозным убеждениям!

– Конечно, если так...

– Так, – кивнула я и ринулась в коридор.

Мне всю жизнь не хватало свободы! Я её хочу! Я так просто не сдамся! Наверное, поэтому я и стала телепортом! А, кстати, попробуйте меня удержать в четырёх стенах, если мне достаточно подумать и... О, Боже! Как не вовремя пришёл на ум этот проклятый Киату!

В следующее мгновение он сидел напротив меня за простым деревянным столом и пил что-то из большой кружки. Надо сказать, что их тюрьмы очень похожи на наши забегаловки. Так же отвратительно пахнет пивом и рыбой. И освещение дрянь. Я шумно глотнула воздух.

Киату поднял глаза и моргнул.

* * *

Киату был зол. И подавлен. Она лезла и лезла в голову, как белая обезьяна, о которой велено не думать. Даже, когда они добрались до другого конца острова и почувствовали себя, наконец, в безопасности – сюда голубые маги не совали нос, – думалось о дживе.

Киату сел в песок. Настоящий великан, добродушный, загорелый, со светлыми короткими косами, Большой Трэджо достал из тайницы вяленое мясо и бутылки с красным вином.

– Отпразднуем?

В ответ кивок. Март не верил своему счастью, то и дело восхищённо ахал, глядя на пальмы, море, песок и небо.

– Брат! Брат! Ты сделал чудо! Настоящее чудо для нас! Никогда не забуду этого! Я могу всё это видеть! Не кусочек неба сквозь решётку в башне! О, морские духи! – Он скинул сапоги и вбежал в море. – Я вижу это, Кей! – Март упал на колени и подставил голову нарастающей волне. Затем подскочил, рассмеялся звонко, скаля белые зубы.

– Вот и не попадайся больше по-идиотски! – буркнул Киату.

С младшим братом он всегда становился серьёзным и начинал ворчать. Куда только девался дерзкий шутник рядом с кудрявым Мартом, моложе его на семь лет, безбородым ещё, постоянно сующим везде свой вздёрнутый нос и попадающим в неприятности?

– Но ведь ты всегда найдёшь выход! – засмеялся Март.

Киату рассердился. Поймав брата, схватил за предплечья и встряхнул:

– Взрослей!

Март поднял на брата глаза, зелёные, с карими лучиками, озорные и одновременно невинные, и пожал плечами.

– Я уже.

– Нет! – рявкнул Киату. – Твоя глупая выходка со стишками против короля на базарной площади стоила свободы...

– Но ведь ты выручил меня из казематов! И Большого Трэджо! Он заступился за меня перед стражниками! А ты освободил нас!

– Я не о тебе.

Киату резко отпустил Марта. Тот чуть пошатнулся, но не упал. Посмотрел с недоумением.

– Но ведь ты сам, брат, против короля!

– Я не заявляю об этом на площади, распевая дурацкие рифмы перед носом стражников, – Киату развернулся к брату спиной, буркнул: – Отсюда ни ногой. В этом месяце лимит вытасненных из петли вышел. Мне надо пройтись. По делу. Трэджо, проследи за пацаном.

* * *

Одно Око знает, зачем он вернулся в город. Киату глянул на белые башни Храма Знаний, затем ещё больше насупился и пошёл в таверну Толстого Джаббе. Туда стекается всякий сброд и самые горячие сплетни столицы. И пиво на хмелю всегда свежее – надо бы охладиться, голова кипела. Кстати, пить после связки вяленого мяса хотелось отчаянно.

Киату заказал большую кружку, сел за стол, и снова джива пришла в голову. Аж вязь у локтя засадила. Чёртов колдун! Не предупреждал, что так будет!

Нехорошо получилось с дживой... Надо узнать, что говорят на чёрном рынке про девчонку, если уже пронюхали.

Кто-то громко бухнулся пятой точкой о скамью напротив и выдохнул. Киату поднял глаза. Мысли, слова и воздух застряли где-то на уровне кадыка. Киату закашлялся.

Джива собственной персоной сидела напротив, уставившись на него голубыми глазами. Галлюцинация! Но сердце подпрыгнуло в груди и затанцевало. А настроение взвинтилось сразу, словно и не давило ничего. Галлюцинация набрала в рот воздуха и выпалила:

– И ничуть я не думала о вас! Ни капли! Ни полслова! Чтобы тут оказаться... Это случайно... – Джива надулась, как мышь на крупу, но тут же сверкнула глазами: – А вообще нет! Я думала! Думала, что вы – самый отъявленный негодяй на свете! И что вам по заслугам... А я... ещё переживала про цепь! А он тут сидит... пьёт... Мерзавец! Ненавижу!

– Надо пить, стоя? – усмехнулся Киату и встал.

Она тоже подскочила, и Киату заметил, что была она одета не во что-то дикое, полуголое, как утром, а в нормальное платье. Джива затараторила, быстро шевеля нежными своими, пухлыми, манящими губками:

– Как вы смели пользоваться чёрной магией?! Это же, это же... Подлость! Как вы могли! Я вам доверилась... Хотя нет... когда бы я успела?! Вы просто нагло похитили меня! Но вам больше не притащить меня в дурацкий гараж для дурацкой ухи! И кто только плавает на акулах?! Лузеры! И привороты ставят лузеры! А у меня есть мама, жизнь, университет, в конце концов, а из-за вас... Нет, мне нечего тут с вами делать! Я... я сейчас просто исчезну! А вы тут сидите в своём подвале! Вот! Я сейчас р-раз и... – Она моргала и размахивала руками, пока Киату обходил вокруг стола, брал её под руку и вёл к выходу.

– Нет, я никуда с вами не пойду! Вы мерзавец! – выкрикнула она, продолжая идти и привлекая всё больше и больше взглядов. Даже торговцы контрабандой в углу повернули к ним головы.

Рука у неё была лёгкая, как пушинка. Киату склонился к уху дживы и тихо, но твёрдо проговорил:

– «Раз и исчезну» будет только за дверью.

– Почему это?! – опешила она, сдувая в ярости пряди светлых волос, лезущих в рот.

Киату Джикарне глянул на других посетителей таверны, глазающих на дживу. Конечно, странно было видеть в подобной дыре студентку Храма Знаний, как гласило «мухаро» на её высоком чистом лбу. Но ведь и юным пташкам не чужды прелести разгула. Даже таким... ангелоподобным. Киату подмигнул компании воров за соседним столом и чуть покачал головой, словно жалуясь:

– Стоит ей каплю пива в рот взять, а потом... – и настойчиво потянул девушку к тонущему во тьме выходу.

Мужики понимающе закивали, некоторые расхохотались.

– Да как вы! Да что вы! – вспыхнула джива снова. – Мерзавец! Гад! Да, вот правильно – гад последний! Бесчестный и неблагородный!

Он вывел её в тёмный коридор. А затем за угол, откуда видна была только соседняя крыша и чан с помоями. Ни одного любопытного глаза, если кота не считать. И Киату выдохнул:

– Теперь они не поймут, что видели твоё лицо.

Она покраснела:

– А это так плохо? Моё лицо?

– Нет, наоборот. Даже красивее, когда злишься. Но мало ли ещё гадов, мерзавцев и подлецов, таких, как я, которым захочется тебя поймать и продать, ценная джива из гудящего города? – усмехнулся Киату.

Девушка замолчала.

О, чудо! Око смиростивилось над ним?!

– Теперь, без свидетелей можешь исчезать, – сказал Киату, но не выпустил её руку. – Хотя погоди.

– Что? – спросила она совершенно растерянно.

– Вот что, – ответил Киату, и чувствуя, как волной по-дурацки радостной дрожи ему сносит голову, прижал дживу к себе и поймал её губы своими.

Девушка попыталась отпрянуть, стукнула его кулачками в грудь, забилась в объятиях, как птичка в тисках, и вдруг обмякла. Поддалась. И по телу Киату расплылось наслаждение.

Глава 9

«Что он делает, мерзавец?» – мелькнуло в голове и погасло, потому что его губы были вкусней целой вазы конфет.

Настойчивый, но вдруг такой нежный поцелуй отдался в моём теле слабостью и ожиданием, сгустками напряжения, мерцающими и пробегающими вниз – от груди к бёдрам. Его руки скользнули от талии ниже.

«О, это невозможно», – пробила мысль и протолкнула следующую: «Джайна Фло! Девочки! Они ищут меня, ой, надо, чтоб не заметили...» Нас крутануло и... бззыньк! Что-то упало и разбилось. О мраморный пол.

Киату оторвался от моих губ, глянул вокруг и, обнаружив рядом роскошную белую ванну, целый бассейн, наполненный бирюзовой водой, озорно сверкнул глазами:

– О, ты хочешь сразу? Я – за!

– Подлец! – я оттолкнула его.

Тут же послышались крики из-за двери:

– Джани Тася! Вы где?! – это была моя дуэнья. – Джани!

– Тася! – пробасила рядом Крохина.

Я залилась краской и шагнула к двери. Сдавленный голос получился очень натурально:

– Я в туалете... Простите, живот прихватило. От сладкого.

За смехок за спиной захотелось придушить этого мерзавца.

– Всё в порядке, Тася? – спросила через дверь джайна Фло. – Или нужны капли?

– Нет-нет, – выпалила я, понимая, что любой лишний шорох они услышат, а мне было страшно неловко перед девочками – они ждут, когда я верну их домой, а я трачу силы на перемещения с этим гадом... Красивенным... Хотя я и борода терпеть не могу, но ему отчего-то идёт, и мягко щекочется, когда целует... И сладко... Но, чёрт, не об этом сейчас! Надо было спасти остатки репутации, и я добавила: – Пожалуйста, очень прошу вас, выйдите из комнаты. Я стесняюсь. Пару минут дайте мне ещё. Или чуть-чуть больше...

– Говорили тебе не обжираться пирогами! – буркнула Грымова.

А джайна Фло проговорила мягко, выдыхая с облегчением:

– Хорошо, джани, мы будем ждать вас в холле. Не смущайтесь. И, пожалуйста, никогда не исчезайте так больше, у меня чуть удар не случился!

– Просто не могла... терпеть. Простите, – пробормотала я, чувствуя, как горят мои щёки.

Я приложила ухо к деревянному полотну двери и убедилась, что шаги удалились. Я резко обернулась. Наглый красавец стоял у края высокой ванны и скалился:

– О, тебе так не терпелось увидеть меня?

– Чтобы высказать всё, что я думаю! – я вспомнила о своём гневе. Не выношу таких самоуверенных наглецов, особенно, когда меня подкалывают!

Киату подошёл ближе:

– Значит, тебя зовут Тася? – опасно и вкрадчиво произнёс он, вызывая на моей спине тысячу мурашек. В глазах Киату появился странный блеск. – Смешное имя. Как и ты сама.

– Для вас не Тася, а Анастасия, – я гордо вскинула подбородок. – Тася только для друзей! А вы... вы мне не друг! Вы – негодяй, разбойник, похититель! Немедленно снимите ваш проклятый приворот, слышите?!

Он снова оказался непозволительно близко. Я была в смятении: я его ненавидела искренне и безумно, отчего же поцелуй его был так приятен, а тело сладостно дрожало? Я отступила в сторону на всякий случай, чтобы опять не полез целоваться. Собрала всю волю в кулак и нахмурилась:

– Вы вообще должны быть в тюрьме!

– Так ты же меня оттуда вытащила...

– Это уже была не тюрьма! Я не такая дура!

– Нет? – он насмешливо поднял брови, вызывая во мне бешенство. – А зачем же ты принесла меня сюда, Тася?

– Если вы немедленно не снимете приворот, я позову магов! И охрану! И я не Тася вам!

– Эй, Тася! – снова позвала Грымова. – Ты там не утонула?

– Нет! – Я закатила глаза к потолку, эмоции плескались через край.

– Немедленно не получится, – шепнул мне на ухо Киату, снова щекоча щёку дыханием и бородой. Его рука обвила мою талию.

Я никогда в жизни никого не била, если не считать комаров, конечно. Но я и дживой никогда не была, и меня никогда не похищали, и вообще, раз наступило время «никогда», я вдруг осмелела и позволила себе то, чего никогда не позволила бы себе в обычной жизни. Я отвесила ему пощёчину. И тут же сама оторопела от собственной решительности.

Глаза Киату потемнели, стали из голубых густо синими, как Чёрное море на закате. Но он не сделал ничего, даже за щёку не схватился. Просто посмотрел очень пронзительно. И мне сразу же стало стыдно за то, что я сделала ему больно. Я глянула на Киату, чувствуя, что вот-вот заплачу, и выскочила за дверь. Захлопнула её за собой.

Грымова встретила меня недовольным:

– Тебя все ждут! А чего красная такая? И губы?!

– Аллергия пошла, – быстро нашлась я, – на какие-то местные фрукты... или конфеты.

Коснулась пальцами припухших губ. – От некоторых видов гриппа меня и не так раздувает...

– А-а, – кивнула Грымова.

На секунду стало интересно, а что если сказать ей, что разбойник Киату снова хотел меня похитить? Не излечит ли Грымова мою «аллергию» одним ударом? Хотя, наверное, нет. Он слишком здоровый и вообще.

– Всё хорошо! Пойдёмте смотреть, как вы устроились. А потом в академию... тьфу... в Храм знаний. Интересно, другой мир всё-таки...

Выходя из комнаты, я скользнула взглядом по двери в ванную. Вдруг он дожётся моего возвращения? Тогда я правда вызову охрану! А как он выберется? Это не моё дело! Не мальчик! В конце концов есть окно, а разбойнику и вору больше ничего не нужно! Ой, а вдруг упадёт и разобьётся, это же башня?! Сердце дрогнуло и сжалось.

Но джайна Фло уже спрашивала, всё ли уладилось, про моё самочувствие, а девчонки вышли из комнат. У каждой тоже был на лбу свой «мухаро» и платья, похожие на подпоясанные туники с длинными разрезами, из-под которых виднелись широкие, удобные даже для боя штаны. Удивительно, но они были подобраны под цвет моего наряда. Когда только успели пошить?! Я спросила об этом джайну Фло, прослушала рассеянно ответ и принялась усердно делать вид, что всё в порядке. Только сердце продолжало отчаянно биться про наглого разбойника...

Глава 10

Комната девочек была небольшой, но в нашем студенческом общежитии не встретишь таких высоких сводчатых потолков, лепки с морскими гадами по углам, арочных окон и балдахинов над кроватями, а также плетёных кресел, цветных покрывал, бамбуковых ковриков и опахал из радужных перьев по углам. Вообще смесь тропической готики с пляжным колоритом представляла основу местного дизайна, зато наличие водопровода, размер ванн и вид из окон на поражающие зеленью, цветами и великолепием висячие сады не могли не радовать!

Однако лица моих спутниц не сияли, хотя и возмущения на них тоже я не обнаружила. Вот в чём плюсы спортивной закалки: надо, значит, надо! Никаких тебе: нам бы под одеялко, зефирку и все вон, потому что жизнь несправедлива. Мне, кстати, именно этого и хотелось – спрятаться и подождать, пока само всё разрешится. Но, к сожалению, тут мама-врач не напишет записку, как в школу: мол, Тасе снова нездоровится, прошу освободить от занятий. Так удобно было прогуливать контрольные и зачёты! У меня высокая температура, как по заказу, поднималась. Ну, иногда, я конечно, съедала два мороженных подряд в день перед зачётом, и можно было спокойно сидеть под одеялком, пока остальные синусы-косинусы решают. Но, видимо, пришёл и на мою улицу «судный день»...

«Логичнее было сделать дживой Риту, – размышляла я, поглядывая на моих спутниц. – Она рассудительная, сильная, решительная, не то, что я... Похоже, в междумирье произошла неразбериха с суперсилами. Ну, какая из меня джива?! А спасительница целого отряда?! И сложно представить, что кто-то меня захочет опять похищать...»

Я вздохнула, тщательно скрывая, что мне неловко перед девочками. Особенно перед моей каратисткой. От Крохиной и Грымовой просто хотелось спрятаться. Я не очень уверена в том, что они не защитят меня кулаком в нос или не станут спасать от злодеев, провожая в безопасное место суровыми пинками. А вот Аня Фуц ничего вроде так, хоть и угрожающая, но какая-то незлобивая. Такая заедет веслом под дых с любовью, а потом ещё в утешение анекдот расскажет. Наверное.

Джайна Фло вывела нас от лестницы в башне к центральному холлу, и все неприятные мысли как ветром сдуло из моей головы. Осталось только восхищение. Перед нами простиралось огромное пространство из белого мрамора с колоннами по периметру. По глянцевому камню с едва заметными прожилками разбежались голубые тени от прозрачных, пронизанных солнцем, поднимающихся круговыми ступенями вверх до самой крыши, бассейнов. Точнее, это были даже не бассейны, а балконы-аквариумы, наполненные голубой водой, – по одному на каждом из пяти этажей. Балконы сужались, и вверху, под самым куполом этой невероятной пирамиды сиял глаз – синий из-за просвечивающего сквозь стекло неба, с сияющим золотым зрачком посередине. Зрелище было захватывающим! Блистательным!

– Великое Око! – показала нам с поклоном Джайна Фло. – Оно всегда покровительствует знаниям.

Заключённые за толстым стеклом балконов-аквариумов, в голубой воде плавали огромные медузы, похожие на белесые снежинки с щупальцами. Тени от них на мраморном полу были довольно странными. Ночью такими хорошо детей пугать.

– Зачем это? – указала на медуз Аня Фуц.

– Для освещения! – сказала джайна Фло. – Медузы за день впитывают свет, а в тёмное время отдают его. Получается красиво и практично.

– Эту ж красоту кому-то чистить надо, – заметила Аня. – Был у меня в детстве аквариум. С улитками. Та ещё радость!

– Всегда находятся студенты, неуспевающие в учёбе, или те, кто наказан за провинности, – ответила джайна Фло. – Никогда недостатка в уборщиках не было. Кто комендантский

час нарушит, кто заговоры не выучит. Вот вчера как раз Зейнал Джурдо с целебного факультета одарил свою однокурсницу жабьей шкурой, когда ему просто требовалось излечить её от прыщей...

– А что с однокурсницей? – поинтересовалась Крохина.

– В лазарете. Ждём, пока кожа жабы отвалится. Заодно и прыщи вместе с ней пройдут.

Кхм, кажется, у меня появился ещё один повод учиться хорошо и не болеть. А ещё держаться подальше от целебного факультета.

– А сейчас где все студенты? – спросила я.

– На занятиях. После некоторых организационных вопросов и экскурсии по Храму знаний вы тоже направитесь в класс. Время терять не стоит.

– Почему у вас столько бассейнов? – поинтересовалась Рита, когда мы проходили мимо круглого искусственного водоёма, расположенного в центре холла. В нём тоже плавали медузы и колыхались на длинных стеблях подводные цветы с нежно-фиолетовыми лепестками, в центре которых сияли гроздья жемчуга. Неожиданно...

– Ну как же! Для лучшего качества связи, – удивилась джайна Фло, а потом вспомнив, что сами мы не местные, показала нам зеленоватую жемчужину в своей ушной раковине. – Вот это называется «джойя». Она позволяет общаться с теми, кто находится не рядом. Чем дальше от воды, тем хуже связь. У нас в городе и даже за его пределами на удалении от моря везде ставят бассейны, каналы или хотя бы колодцы. Ведь в нынешние времена никто не хочет оставаться без связи.

– Ничего себе! – воскликнула Аня. – Получается, как у нас мобильный?! Клёвый дизайн, кстати.

Наш гид кивнула:

– Милостью Великого Ока нам было подарено это средство коммуникаций. А ведь вы из седьмого мира системы Великого Ока! Может, и вам была дарована такая высшая магия?

– Угу. Не думала, что здесь имеются технологии, – заметила Рита. – На первый взгляд, у вас всё кажется средневековым. Как вы делаете эти жемчужины? Есть специальные заводы?

– Зачем заводы? – поразились джайна Фло. – Их просто выращивают. А потом специалист подбирает ту, которая лучше реагирует именно на вас.

– Хотите сказать, что жемчужины живые? – ахнула я.

– Конечно, живые. Если их не чистить и не класть на ночь в солёную воду, они обидятся и перестанут служить.

– Мой смартфон тоже обиделся, когда выпал из заднего кармана джинсов в унитаз... – пробормотала Грымова.

– А нам такие можно? – поинтересовалась Рита. – Удобная вещь.

– Мы как раз идём подбирать вам джойи, – ответила джайна Фло.

* * *

Питомник находился за пределами здания. Во дворе между пальм и раскидистых кустов высился ещё один аквариум размером с классную аудиторию. Я тут же рассмотрела, что среди подводных цветов с жемчугом плавал золотоволосый красавец, весьма похожий на ловцов жемчуга из сказок своим рельефным гибким телом и прилипшими к бёдрам короткими нательными штанами. Девчонки уставились на пловца. Грымова с вождением.

Увидев нас, парень поднырнул под арку, скрылся в каменном гроте и через пару секунд вышел из обычной боковой двери слева, завязывая пояс на длинном белом халате с золотым орнаментом по краям.

– Приветствую, джайна Фло, и вас, джани, – поклонился нам парень.

– Здравствуйте, джи Аридо! – улыбнулась джайна Фло. – Извините, что отрываем вас от исследований. Как ваша лабораторная работа?

– Прекрасно, – улыбнулся блондин, а мне отчего-то вспомнились «Спасатели Малибу». Впрочем, подошёл бы любой американский сериал, где есть такой же белозубый, широкоплечий красавец, по одной улыбке которого сразу понятно, что он звезда местного спорта, отличник, и что восхищённые взгляды и отвисшие челюсти девиц – неотъемлемая часть его жизни, с которой он смирился, так как деваться всё равно некуда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.